

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Branch of the Military Academy of Communications in Krasnodar
Tashkent Islamic University
Penza State University

CULTURE, CIVILIZATION, SOCIETY: PARADIGMS OF RESEARCH AND TRENDS IN INTERACTION

Materials of the international scientific conference
on April 28–29, 2015

Prague
2015

Culture, civilization, society: paradigms of research and trends in interaction : materials of the international scientific conference on April 28–29, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». – 111 p. – ISBN 978-80-7526-023-9

ORGANISING COMMITTEE:

Ilona G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Umidjon R. Kushaev, PhD, the associate professor, the head of the department of spirituality, education and art of the Science Research Institute at Tashkent Islamic University.

INTERNATIONAL EDITORIAL BOARD:

Nicholay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor of Kama Institute of Humanities and engineering technologies.

Viktor V. Kondrashin, doctor of historical sciences, professor of Penza State University.

Lyudmila V. Kotenko, doctor of pedagogical sciences, professor, senior researcher at the Military Academy of Communications, branch in Krasnodar.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of culture, civilization and society. Some articles deal with questions of prospects of development of culture. A number of articles are covered issuers of dialectics of national and universal culture. some articles are devoted to the essence of civilization. Authors are also interested in intensification of interaction of Eastern and Western civilizations in the modern world.

UDC 101.1:316+93/94

ISBN 978-80-7526-023-9

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2015.
© Group of authors, 2015.

CONTENTS

I. PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF CULTURE: APPROACHES AND TRENDS

Кузнецова И. В.

Концепция средового подхода и новая логика пространства6

Монина Н. П.

Православная детерминанта формирования русской культуры..... 12

Сорвина М. Ю.

Южный Тироль: проблема сохранения культуры этноса
в унитарном государстве 14

II. DIALECTICS OF NATIONAL AND UNIVERSAL CULTURE

Абрайкулова Н. Э.

Искусство узбекского танца: особенности школ и направлений 20

Алиева С. А.

Национальное и универсальное в разных языковых культурах
(на материале звукоподражательных паремий) 25

Афинская З. Н., Кулаженкова Л. Н.

Город: пространство и наименования 29

Канафиев Р. Н.

Явление языковой дивергенции и стративность
национальной культуры..... 35

Петраш И.А., Васильева Ю.Г.

Искусство уличной живописи 37

Скачкова И. И.

Языковые права личности 42

III. THE ESSENCE OF CIVILIZATION: THE PRINCIPLES, TERMS AND DEFINITIONS

Иликеева Ю. А.

Гендерное равенство/партнерство в условиях глобализации 47

Короченцева О. А.	
Проблемы корпоративного внешнего долга России	50
Крутиков М. Ю.	
К вопросу об операционализации понятия «правовая социализация»	53
Рахматуллин Р. Ю.	
Понятия «культура» и «цивилизация» в философии истории Освальда Шпенглера	63
Свириденко И. Н.	
Модель социального действия по Т. Парсонсу.....	65
Слива С. В.	
Системная парадигма экономики: развитие методологического пространства.....	72

IV. FEATURES OF INTENSIFICATION OF INTERACTION OF EASTERN AND WESTERN CIVILIZATIONS IN THE MODERN WORLD

Саетгалиева Ф. Ф.	
Культурно-ценностный конфликт между Западом и Востоком – главное противоречие современной эпохи	82
Самедов Д. Я.	
Зарубежная тематика в творчестве Камиля Наджафзаде.....	84
Сараева Е. А.	
Арабские заимствования в английском языке как специфика взаимодействия восточной и западной культур	89

V. THE DEVELOPMENT OF FORMS OF SPIRITUAL CULTURE AS A GUARANTEE OF STABILITY OF MODERN SOCIETY

Крайнов С. В., Попова А. Н., Михальченко В. Ф., Фирсова И. В., Крайнова И. А.	
Развитие форм духовной культуры у студентов-стоматологов.....	92
Павлова И. В.	
Современные технологии воспитательной работы по формированию ценностного отношения к природе.....	96

Чупахина Т. И., Чупахин С. А.

К вопросу об эстетическом воспитании личности средствами музыкального искусства	99
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2015 году.....	106
Информация о журналах «Социосфера» и «Paradigmata poznání»	107
Всероссийский конкурс учебно-методических разработок педагогов общеобразовательной школы «Пединновации»	108
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	109
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	110

I. PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF CULTURE: APPROACHES AND TRENDS

КОНЦЕПЦИЯ СРЕДОВОГО ПОДХОДА И НОВАЯ ЛОГИКА ПРОСТРАНСТВА

И. В. Кузнецова

*Доцент,
Уральская государственная
архитектурно-художественная
академия, г. Екатеринбург, Россия*

Summary. The modern world is studied as a habitat which is exposed to a variety of factors and trends. The new reality renders the rationalist approach unsatisfactory. The ideology of postmodernism as a methodological basis for compromise and dialogue starts the search for new aesthetic called deconstruction as an attempt to replace uniqueness and certainty with multidimensionality and ambiguity. Postmodernism and deconstruction act as different strategies for breaking the stereotypes. A new cultural landscape is forming, including all the trends of the modern world view: ecological thinking, the new philosophy, the new system of form development.

Keywords: habitat; postmodernism; deconstruction; environmental approach, state, subject; new cultural landscape; flexible evolving systems; nonlinear paradigm of space.

Современный мир как среда обитания – понятие насколько простое, настолько же сложное и неоднозначное. Формируясь на основе определенных традиций, обусловленных климатическими, национальными, социальными и ментальными особенностями, это понятие подвергается сейчас мощному влиянию новых философских направлений, информационных технологий, теории сложности и представлений о нелинейности пространства, а также интернациональных, мировых и даже космических воздействий. В эпоху глобализации, происходит не только повсеместное размывание границ между государствами, сближение различных культур, терпимость в восприятии их проявлений, но и одновременное выявление их индивидуальных особенностей, упор на эту индивидуальную проявленность и акцентуацию не только в образе страны, нации, этнических меньшинств, но и в образе каждой отдельной личности.

В современном информационном обществе меняются все прежние представления о мире и человеке как активной составляющей этого мира. Меняются социальные условия, миропонимание и жизненный уклад, изменилось и само отношение к человеку, его жизни. И это, естественно, не может не сказаться на характере и образе пространства обитания человека, на роли дизайна в обустройстве всей человеческой жизни.

Идеология «тотального» проектирования, сформированного в эпоху модернизма, сменилась идеологией «включенного» дизайна, сформированного на идеях философии постмодернизма. В эпоху модернизма во главу угла ставилось рациональное начало, и на его основании постулировалась нравственная возможность уничтожения «отживших форм» ради замены их новыми свежими решениями, несущими миру обновление.

В новой реальности обнаруживается несостоятельность и бесперспективность подобного рационалистского подхода, что становится основой для более внимательного и уважительного отношения к традиции и интуитивному началу в творчестве.

Идеология постмодернизма – это методологическая база *компромиссов* и *диалогов*, что уже само по себе является весьма ценным вкладом в культуру дизайн-проектирования, это поиск новой эстетики, именуемой *деконструкцией*, это попытка уйти от однозначности и определенности к *многомерности* и *неоднозначности*. Совершить акт «деконструкции» – значит обнаружить скрытую логику отношений между смыслом и его выражением. Питер Эйзенман говорит о своей архитектуре как о смещении форм, пространств, материалов и смыслов [7]. Постмодернизм и деконструктивизм – на первый взгляд столь разнонаправленные течения – по существу выступают как различные стратегии разрушения отживающего стереотипа и одновременно как созидательные стратегии нового формообразования. Эстетика деконструкции как «порушенного совершенства», «разрушительного созидания» также избавлена от власти логических композиционных построений и так же, как эстетика постмодернизма, опирается на постструктуралистскую философскую основу (Ж. Деррида, Р. Барт, Ж. Делез). Проектная наука конца 80-х жадно впитывает идеи физико-математических открытий: теории сложности, теории хаоса, теории катастроф. Все эти новые, а с ними и прошлые открытия науки XX века становятся актуальными для процесса проектирования. Новая наука о формообразовании, основанная на нелинейной фрактальной геометрии, родилась в середине 70-х годов, когда появляются труды Бенуа Мандельброта [4]. Метаболизм и метаморфизм зарождаются в японской архитектуре и дизайне 60-х – 80-х годов как направления, основывающиеся не на неизменных концепциях функции и формы, а на представлениях о процессе развития систем и об изменяемом пространстве. Для теоретиков метаболизма главной стала идея постоянного изменения пространства, его открытости и незавершенности, очень созвучная традиционной организации японского дома [5]. На западе различные направления поиска архитекторов и дизайнеров фокусируются на разработке «гибких форм среды». Английская группа «Аркигрэм», группы Нового венского авангарда («Хаус-Руккер», «Химмельблау», «Желтое сердце» и другие), разработки итальянских авангардистов рассматривают жилище как подвижную динамическую систему: «Plug-in», «Жилой кокон», «Жилище 1990» и т. д. Разработки группы

«НЭР» в России пытаются решить одну из главных проблем архитектуры и дизайна – приспособляемость и изменяемость среды, ее гибкость и открытость [8]. В проектировании заметно влияние физики, появление таких понятий как «поле», «полевая система», среда как «поле событий».

Это *новый культурный ландшафт*, включивший в себя все современные тенденции миропостижения: экологическое мышление, новую философию, новые системы формообразования, представления синергетической теории, принципы междисциплинарного подхода, конвергенцию, комбинаторику мышления во всех ее проявлениях, компьютерное сознание и др.

Развитие средового подхода стало естественной реакцией на изменившееся миропонимание. Нелинейные формы пространства становятся попыткой выйти за пределы ортогональных поверхностей, построенных на рационалистских традициях, приблизиться и освоить гибкие системы организации окружающей среды, основанные на топологических принципах построения формы в живой природе и созвучные органической архитектуре. Фундаментальный концепт «механизма» переосмысливается в пользу концепта «организма», то есть живой эволюционирующей системы, с которой могут быть соотнесены и человек, и социум, и природные явления, и сама Вселенная. Меняется подход к средовому объекту – он все чаще рассматривается не как статичное образование, а как система, способная к росту и развитию в пространстве и во времени [4].

Дизайнер предметно-пространственной среды, проникшийся средовым подходом, несколько иначе воспринимает подлежащую его профессиональному воздействию окружающую реальность, он по-иному видит внутренний мир своего адресата, собственные задачи, акцентирует внимание на несколько иных проблемах. В его творческом воображении возникает не столько идеально спроектированное раз и навсегда пространство, сколько некое «средовое состояние», та атмосфера, которую ему следует создать, используя свои профессиональные средства. В провоцировании такого состояния, в созидании атмосферы задействуются не только материальные объекты имеющие форму, цвет, фактуру и т. п., но и такие средоформирующие компоненты, как температура, освещение, соположение в пространстве объемов различной конфигурации, включаются закодированные в объектах и формах символические значения и смыслы, влияющие на их восприятие. Среда воспринимается человеком не только визуально с точки зрения формы. Тактильные, цветовые, звуковые и акустические качества пространства создают определенный микроклимат среды.

Но и такого расширения палитры проектировщику предметно-пространственной среды еще недостаточно. Среда невозможна без осваивающей деятельности «средового субъекта». А значит, продукт дизайна должен быть не только адресным и востребованным своим адресатом, как собственно и при традиционном проектировании, а он должен изначально включать в себя этого «субъекта» со всем его внутренним миром и всеми

его природными склонностями в качестве неотъемлемой части объекта проектирования [9]. «Все окружающее нас должно будоражить и вызывать яркие эмоции, а сильная реакция, пусть и отрицательная, лучше, чем никакая» – говорил Соттсасс. И, следовательно, в своей работе дизайнер должен учитывать и прогнозировать не только сознательные и бессознательные ожидания адресата, но и его будущую активную осваивающую и преобразующую деятельность в проектируемой среде.

Таким образом, *структурной единицей проектирования* становится не материальная и выделенная в пространстве вещь, а *поведенческая ситуация*, в которой задействованы и люди, и вещи, и их взаимодействие, и настроение и эмоции этих людей, уже не имеющие ни строгой локализации в физическом пространстве, ни физически ощутимых параметров. Проектирование в этом случае имеет дело с совсем другим отношением к категории *времени*.

При средовом проектировании оно становится «четвертым измерением» среды, поскольку любая ситуация есть *процесс, развивающийся во времени*, и немыслима без пространственно-временного контекста [9].

«Средовое время» – это уже не просто *равномерная длительность*, оно *качественно неоднородно*, оно играет свою роль в формировании среды и несет определенный характер. Для определения такого нераздельного единства времени и пространства существует понятие «хронотоп» [2], где «хронос» – время, а «топос» – пространство.

Это понятие весьма применимо к средовому проектированию. Тактика средового проектирования основана на погружении дизайнера внутрь рассматриваемого объекта со всеми его сложными переплетениями, ориентирована на глубокое исследование реальности и на художественный эксперимент при решении поставленной проблемы.

Это определяет принципиальную позицию средового дизайна с актуальной для него идеей «включенного» проектирования, которое впитывает критику со стороны экологии и антропоэкологии, учитывает сознательные и бессознательные ожидания средового субъекта, а также местные традиции, топологические и исторические особенности.

Создание новых языковых форм, сменяющих устаревшие, – это непредсказуемое переплетение случайностей и порядка, одновременно случайное и логичное движение вещей [6]. Новая форма, новый язык опирается на динамическое слияние, сращивание и взаимопереплетение внутреннего и внешнего, своего и Другого [Ж. Делез], логичного и случайного. Именно в этом переплетении рождается своя философия – философия среды. Дизайнер как бы изнутри участвует в артикуляции бытия. Опираясь априорно на собственные интуиции пространства и времени, он философствует на языке формы, и «телесность» как особая черта его творчества помогает ему пребывать в конструктивном диалоге с миром, «субъектом» и собой.

Само повседневное существование сейчас стало скетчевым, более ориентированным на сиюминутность и фрагментарность, на одновременное пребывание во многих ролях и средах, требующих постоянного переключения режимов общения, действия, восприятия [3]. Это порождает новую временную реальность. История культуры свидетельствует, что незавершенное может быть как знаком творческой индивидуальности, проявлением особого типа художественного мышления, так и знаком определенного течения (модернизма и особенно постмодернизма, активно работающего с поэтикой фрагмента, осколка, мозаики). Более того, существуют целые культуры, философия которых строится на принципе незавершенности (японская, например).

Незавершенность текста, формы, пространства создают поле освобожденного напряжения, особую энергетику... Они не ослабление, а, напротив, нажим, напряжение нерастраченных элементов [11]. Возникает возможность дополнения мест неполной определенности (завершения незавершенного) путем виртуального домысливания, реконструкции, интерпретации... Происходит реализация отсроченного завершения, главным стимулом которого является *энергия незавершенного*, вызывающая к *сотворчеству*. Незавершенное, понятое как разомкнутое, коррелирующее со значимым отсутствием, имеющее установку на диалог..., может иметь и имеет свое особое, специфически реализуемое смыслообразующее значение [10].

Проектирование среды как особая форма познающего разума человека обнаруживает фундаментальные, сущностные проблемы времени, встающие перед человечеством, и более того – претворяет их собственно в бытие. В диалоге с внешним контекстом оно опирается и на феномен «незавершенного», на новую философию, постигающую «ничто», на философию «игры ума», и на традиционную философию, продолжающую постигать «сущностное» и объясняющую смысл жизни, позволяющую строить иллюзии, создавать мифы, отвечая жизненной потребности человека. Сила современной позиции дизайнера – как в овладении техногенным мифом, так и в укреплении мифа антропосохранного. Проектирование среды всегда обращено не только к порождению форм среды обитания человека, но и к самому человеку как биофеномену, социофеномену, носителю разума...

По логике вещей, должна быть обозначена новая модель мира, принят новый смысл космологии, должно прийти понимание закономерностей конечности человечества как системы, усвоение философского представления об онтологии становления [4].

Нелинейная логика компьютера дала возможность строить модели сложных объектов. Новая наука выяснила, что большинство объектов много сложнее, чем мы предполагали. Они представляют из себя сверхсложные системы, находящиеся в постоянном изменении, состоянии саморазвития, открытости и незавершенности. Каждая система – нелинейный мир. Нелинейная логика допускает и множественность картин мира [4]. Модель

мира как результат переработки информации о человеке располагается между действительностью и сознанием и обладает определенными кодирующими правилами трансформации, причем человеческие структуры и схемы часто экстраполируются на быт и бытие [1]. Сама сущность современного проектного творчества способствует усилению уникальности, открытости, разнообразия и незавершенности как культурного феномена, который наряду с активным освоением техник утверждает и сущностные человеческие ценности, всегда обладающие определенным уровнем непосредственности, «наивности», уникальности. Принципиальной особенностью поэтики нового пространства является *диалогизм* в широком понимании этого слова. Активный диалог полюсных умонастроений – примета времени и отличительная черта языка пространства. При этом любой изложенный смысл предлагается не как догма, а как проблема и повод к размышлению. Диалогический метод острее отражает тип мышления, свойственный эпохе, он отражает основу творческого процесса как «движения от некоей всегда спорной истины о Море к самому производимому существу» [4], всегда индивидуальному, уникальному и определенному. И этот спор, всегда внутренне присущий творческому процессу, постоянно требует приглашения все новых участников диалога...

Библиографический список

1. Аймермахер К. Знак. Текст. Культура. – М. : 2001.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья. – М., 1969.
3. Горалик Л. Собранные листья // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 54.
4. Добрицына И. А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. – М. : Издательство «Прогресс-Традиция», 2004.
5. Иконников А. Кендзо Танге. Архитектура Японии. Традиция и современность. – М. : Издательство «Прогресс», 1976.
6. Мерло Понти М. Видимое и невидимое. – Минск, 2006.
7. Орельская О. В. Современная зарубежная архитектура. – М. : Издательский центр «Академия», 2006.
8. Розенсон И. А. Основы теории дизайна. – СПб. : Издательство «Питер», 2013.
9. Рябушин А. В. Шукурова А. Н. Творческие противоречия в новейшей архитектуре Запада. – М. : Издательство «Стройиздат», 1986.
10. Снегирева Т. А. Феномен незавершенного. – Екб.: Изд-во Уральского Университета, 2014.
11. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка : статьи. – М., 1965.

ПРАВОСЛАВНАЯ ДЕТЕРМИНАНТА ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Н. П. Моина

*Кандидат философских наук, доцент,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск, Россия*

Summary. This article is devoted to the understanding of the religious factor in the process of formation of national culture and national character. Examines the effects of civilizational choice made by Prince Vladimir in 988. Identified the naturalness and harmony of Orthodox religion for the Russian people.

Keywords: Orthodoxy; Christianity; Russian culture; civilization; mentality; national character.

Формирование отечественной культуры и цивилизации – предмет изучения историков, философов, культурологов, социологов и других ученых. Практически все они сходятся во мнении о влиянии целого ряда факторов на этот процесс: географического, климатического, геополитического, социального и религиозного. Безусловно, все они формировали русский менталитет, национальный характер и культурное поле. Но при этом, на наш взгляд, именно православие в данном контексте сыграло роль некоего синтезирующего, объединяющего начала, сводящего в единое целое то, что было заложено и природой, и географией, и климатом. Душа народа, сформированная природой, может существовать и питать культуру только тогда, когда она наполнена верой. Именно религия определяет духовное становление, силу и тип культуры.

Изначально религиозный компонент культуры восточных славян был представлен язычеством, которое в полной мере отражало мировоззрение древнего русича: близость к природе, гармоничный, тихий, спокойный склад характера, круговой, земледельческий жизненный цикл, совпадающий с ритмами природы.

На определенном этапе исторического развития возникла потребность в новой религии. Всем известна легенда о выборе веры князем Владимиром. Хотелось бы лишь напомнить основную причину (согласно легенде) выбора именно византийского варианта христианства: «И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали – на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и сказать об этом, – знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем в других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать в язычестве» [2, с. 78].

Безусловно, предание о выборе веры можно считать благочестивым вымыслом, но в приведенном отрывке отразилось то сильное впечатление, которое произвело на русских, впервые знакомившихся с христианством, византийское богослужение. По мнению игумена Иоанна Экономцева, столь свойственное русским образно-символическое восприятие мира, их максимализм, стремление достигнуть абсолюта одним порывом воли, нашло благоприятную почву.

Русь приняла крещение от Византии. И этот цивилизационный выбор сразу же определил и ее историческую судьбу, и ее культурный путь. Выбрав восточный вариант христианства, Русь, с одной стороны, вошла в круг западноевропейских государств, а с другой – противопоставила себя им. И это противопоставление не просто не исчезает сегодня, а, проявляется все больше и больше. Речь, безусловно, не идет о каких-либо религиозных спорах, а, скорее о ментальных различиях, изначально заложенных природой и историей, и подтвержденных религией.

Изначальная ориентированность Запада на превалирование торговой сферы в экономике, рациональный способ познания мира, высокий уровень правовой культуры сделали естественным и гармоничным католическое вероучение и католический, а затем и протестантский образ мира. Безусловно, при крещении Европы, как, впрочем, и России, великая схизма еще не произошла, но тем не менее ментальные отличия были заложены уже в первые века существования и распространения христианства.

Для западного менталитета характерно принятие ростовщичества как равночестной производительному труду основе экономической деятельности, что вызывает отторжение в культуре православной. На Западе, используя выражение С. Кара-Мурзы, тип хозяйства – хрематистика, т. е. нацеленность на накопление богатства вне зависимости от его использования, а, главное – превращение накопительства в высшую цель деятельности. Апогеем подобного мировоззрения, безусловно, служит и протестантизм, и получившая распространение практика покупки индульгенций. На Русь же от Византии пришло, может быть главное, что составляет основу русской духовности – это идея, что благочестие выше благосостояния.

Рационализм, столь прекрасно проявивший себя в античности трудами древнегреческих философов, продолжил свое победное шествие и в последующие исторические эпохи. Для Запада доминирующим стал знаменитый декартовский принцип: *cogito ergo sum*, ставящий на первое место именно разум, а не веру, в то время как для Руси-России, доминирующей становится именно вера, примат духовного над материальным. Отсюда и столь позднее (по мнению многих западников) появление русской философии, хотя разве «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о законе и благодати» Иллариона, русская иконопись – не есть философия? Хотя и в древнерусской культуре рационализм имел место быть, умеренный теологический рационализм: «к рациональному постижению действительности

прилагалось лишь одно требование – чтобы доводы от разума не шли вразрез с христианскими догматами» [1, с. 14]

Запад славен своей правовой культурой, основанной на, используя выражение Н. А. Нарочницкой, «холодном юридизме», формально представленном в виде кодексов и законом. Юридическим духом пропитана культура Древнего Рима, а от нее и европейский менталитет. Древние русичи же с жесткими законами знакомы не были и ориентировались, прежде всего, на канон, естественное право, закрепленное и коллективным образом жизни, и естественным нравственным правом, изложенным в священных книгах.

Таким образом, заложенные природой и историей черты национального характера, отшлифованы, дополнены и одухотворены религиозной компонентой. Для русского мира православная вера выполняет роль духовного стержня, духовной матрицы, определяющей бытие.

Библиографический список

1. История русской философии / под ред. М. А. Маслина. – изд. 2-е. – М. : КДУ, 2008. – 638 с.
2. Мони́на Н. П. Русский культурный архетип: факторы формирования и философские доминанты : учебное пособие. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 196 с.

ЮЖНЫЙ ТИРОЛЬ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРЫ ЭТНОСА В УНИТАРНОМ ГОСУДАРСТВЕ

М. Ю. Сорвина

*Кандидат искусствоведения,
преподаватель,
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва, Россия*

Summary. Today Germans, Italians and people from the Ladin ethnic group live together speaking their own languages and remaining true to their individual traditions. The implementation of the agreement was seen as satisfactory by neither the German-speaking population nor the Austrian government. In 1996, the Euroregion Tyrol-South Tyrol-Trentino was formed between the Austrian state of Tyrol and the Italian provinces of South Tyrol and Trentino. The aim is to promote regional peace, understanding and cooperation in many areas. The people of South Tyrol appeared heterogeneous in their own purposes. For thirty years has grown and developed strong political culture of the region. It directs its efforts to preserve national traditions. At the same time, business people interested in mixing of nationalities and getting sole profit under the auspices of the European Union.

In the literature of South Tyrol noticeable trend towards rapprochement between the two peoples. But the authors show the nostalgia of his people, the memory of ancestors, the lack of a unified country and a sense of community. This distinguishes the works of the most famous authors Lilli Gruber and Joseph Zoderer.

Keywords: civil society; regional history; social-policy history; Italianization; German-language; novels; memoirs.

1. Опасные тенденции

В современной политологии все чаще звучит мнение о том, что в начале нового тысячелетия вопросы национальной самоидентификации и сохранения культурных традиций относятся к области устаревшего, иррационального мышления, либо являются порождением политических амбиций отдельных лиц, партий и движений. Рациональными вопросами признаются только социальные и экономические факторы развития.

Эта небезопасная тенденция является побочным, но вполне логичным продуктом политики централизации и глобализации Европы. Но подобная доктрина влечет за собой вывод о том, что любые попытки сохранить свою историческую идентичность свидетельствуют об отсталости в развитии отдельных европейских этносов, обреченных на существование в рамках имперского унитарного государства. Теории о необходимости отказа от национальной идентичности и исторической памяти позволяют проводить линию всеобщего усреднения и единообразия, ориентации лишь на потребительские ценности.

Но мир никогда не был единым и однообразным. Сила человеческой цивилизации как раз заключалась в разнообразии культур и своеобразии национального менталитета каждого народа. Лишь понимание и признание этого факта позволит миру в целом и Европе в частности спасти гражданское общество от полного распада и превращения в безликую, легко управляемую толпу.

2. Тенденции мировоззрения в Южном Тироле к началу XXI века

Утверждение Статута южно-тирольской автономии в 1992 году не дало многострадальному региону, испытывавшему на себе давление муссолиниевского фашизма, гитлеровского нацизма и итальянского национализма, ни долгожданной свободы, ни подлинных прав. Кроме того принятие закона южно-тирольской автономии повлекло за собой официальный отказ Австрии от претензий по отношению к Итальянскому государству. Для Австрии это стало вынужденной мерой – в обмен на членство в Евросоюзе.

В активном публичном социуме Южного Тироля с 1990-х годов по нынешнее время прослеживались три основные тенденции:

1) стремление активного гражданственного населения повлиять на ситуацию и найти пути выхода из сложившегося положения региона – как донора по отношению к кризисной экономике государства и туристического придатка страны;

2) оппортунизм некоторых представителей местной власти и социально устроенных членов общества, для которых власть и политика – это, прежде всего, средства для развития собственного бизнеса;

3) апатия части политически пассивного населения, разочаровавшейся в исходах борьбы за самоопределение региона.

2.1. Социально активное общество

Первая тенденция сконцентрировалась в последние годы в партиях и движениях, а также – в их ячейках на местах. В этом видится значительное отличие от прежних десятилетий, поскольку вплоть до 70-х-80-х годов XX века в Южном Тироле еще существовало политически и патриотически активное крестьянство. Роль крестьянства в борьбе 1950-х-1960-х годов была очень высока. Однако этот класс был в значительной степени уничтожен и деполитизирован жесткими мерами итальянского правительства, стремившегося превратить Южный Тироль в туристический регион с преобладанием сферы обслуживания. Поэтому сегодня наиболее активными членами общества являются служащие, фермеры, рабочие, объединенные не классовыми, а партийными и политическими интересами.

Это нанесло значительный удар по патриотической борьбе Южного Тироля. Во-первых, жертвами и заложниками политических тенденций стали наиболее интересные и активные деятели региона. Такие, например, как лидер партии «Зеленых» Александр Лангер, ставший авторитетной фигурой в регионе, но принципиально не пожелавший указывать в анкетах свою национальность и за это не допущенный к официальным выборам губернатора региона. Бесконечные разбирательства по его делу привели к разочарованию Лангера в современной демократии и его самоубийству. Во-вторых, локализация патриотической борьбы в партиях и движениях дала возможность противникам движения за самоопределения региона обвинять активистов самоопределения в узкопартийных целях и личных властных амбициях.

2.2. Бизнесмены от политики

Одним из таких обвинителей стал яркий представитель современного беспринципного истеблишмента, но и не менее яркий популяризатор спортивной культуры Рейнхольд Месснер – один из ведущих альпинистов мира и крупный бизнесмен. Будучи человеком скандальной репутации, Месснер совершает нарочито вызывающие поступки: например, скупает исторические дома-памятники Южного Тироля и превращает их в рестораны. Священный для тирольского сознания замок «Sigmundskron» Месснер сделал горным музеем своего имени (МММ расшифровывается как «Messner Mountain Museum»). Этнический немец Месснер называет себя итальянцем и любит говорить, что его родина – это он сам [3, с. 7], а его национальный флаг – это его «носовой платок». За лояльное отношение к Итальянскому правительству Месснер был допущен в парламент Евросоюза, но и там его интересовали только связи, деньги, игры в теннис с канц-

лерами и премьер-министрами, чего он, впрочем, никогда не скрывал. В своих интервью Месснер называл прошлых и нынешних борцов за свободу края «анекдотичными фигурами», «шалунишками, не наигравшимися с оружием в годы войны» и «партийцами, строящими свое политическое резюме на биографии своих семейств» [4, с. 7]. На самом деле господину Месснеру прекрасно известно, что Южный Тироль – край маленький, но семьи в нем традиционно большие, поэтому почти каждый нынешний политик и депутат ландтага является одним из потомков прежних борцов за свободу.

К этой группе оппортунистически настроенных дельцов принадлежит с начала 90-х годов и руководство ведущей партии SVP (Народная партия Южного Тироля). Губернатор Луис Дурнвальдер смог продержаться у власти достаточно долгий срок благодаря своей региональной политике в начале века, декларируемой как «вызов государственной власти» из-за отказа от поставок продовольствия Евросоюза в регион и перехода на само-обеспечение продуктами. Это новшество расположило к Дурнвальдеру значительную часть фермеров, не выдерживающих конкуренции с европейским рынком. Однако губернатор всегда выступал против историко-культурных начинаний – идеи двойного гражданства для жителей края и устранения фашистской символики региона. Этим он вызвал неприязнь большинства тирольцев. Его нынешний преемник Арно Кампатчер находится на посту губернатора всего год, и уже испытывает трудности при общении с итальянской властью и внутренней оппозицией. Южные тирольцы называют его «маленьким Дурнвальдером» и «отличником, прилежно выполняющим задания итальянской школы». О справедливости и обоснованности этих определений свидетельствуют частые «римские каникулы» Кампатчера и его неуверенные интервью в популярном ток-шоу Бруно Веспина на итальянском телевидении RAI.

3. Образ народа Южного Тироля в художественной литературе

Пассивность большей части народа Южного Тироля, обострившаяся к началу XXI века, была вызвана утратой надежд на свободу и самоопределение, а также репрессиями 1960-х годов. Активность электората тоже резко снизилась (-3,3 %), поскольку в избирательную систему перестали верить.

Картина вырождения крестьянства была красноречиво представлена еще в 1982 году в романе Йозефа Цодерера «Die Walsche» («Итальяшка»).

Как многие немецкоязычные писатели нового времени, Цодерер натуралист: в его повествовании нет ни одного просвета, ни одного намека на человеческую душевность или красоту родного края. Утро встречает главную героиню «белесым, тускловатым небом, с разнообразными оттенками серого цвета и парочкой темных, словно от куриного помета разводов» [5, с. 37]. Туман здесь «клочьями застрял в соснах», а дождевые капли стекают по стеклу «будто мухи». Родина Цодерера шокирующе непри-

глядна, даже уродлива. Городская среда политически активных итальянцев-социалистов внутренне пуста, сельская среда опустившихся, пьющих немцев столь же безнадежна. Крестьяне показаны глупцами и похотливыми алкоголиками, местные дети – «шпаной», «шайкой», в которой «никто ни с кем не дружил» [5, с. 12].

Действие романа относится ко времени глубокого застоя, когда селяне после борьбы за свои права смирились, но по-прежнему сохраняли неприязнь к захватившим их иноземцам. Они выказывают презрение и к главной героине, этнической немке, живущей в городе с итальянцем. Автор как будто ждет от читателя сочувствия к героине, сделавшей свой выбор в пользу города и любовника-социалиста. Однако, предлагая читателям впечатление героини, автор ничего им не противопоставляет. Ольгу и ее любовника не связывают ни политические взгляды, ни язык. Ольга не знает итальянского, но сопровождает Сильвано на площадях, где он произносит речи и раздает листовки. При этом она понимает, что вся эта энергичная деятельность бессмысленна и ни к чему не приведет. Ей просто нравится, что он занят и делает нужное с его точки зрения дело. Героиня считает свою деревню «дырой», презирает запуганную мать, пьющего отца, побочного брата. У нее нет ничего, что было бы ей дорого, но нет и ее самой – как человека, как личности.

Роман лауреата итальянских и австрийских премий Цодерера включен в обязательную школьную программу Южного Тироля, но совершенно очевидно, что такая лишенная позитивности и надежды литература способна вызвать у подрастающего поколения только отвращение, ужас, неверие ни в своих соотечественников, ни в собственные силы.

Проникнут ностальгией по утраченному прошлому роман писательницы Лилли Грубер «Das Erbe» («Наследие») 2012 года, в котором она рассказывает историю своей прабабушки, пережившей всю тяжесть потери родины в 1919 году. Рецензируя этот роман, итальянская журналистка Изабелла Федриджотти писала: «Эти чувства передаются в качестве военных трофеев, порожденные попытками итальянизации, ужесточившимися в период недавнего фашизма и заставившими жителей Южного Тироля еще больше цепляться за свои традиции во всех областях жизни, чтобы /.../ сохранить в неприкосновенности свою культуру и язык» [2].

Роман Грубер овеян теплотой, однако популярная писательница давно уже проживает в Риме, а не на родине, превращенной в провинцию. Кстати, это отличает и немецкоязычную итальянскую интеллигенцию из Мерано, предпочитающую жить и работать в Вене, вдали от своей малой родины.

Заключение

Вызывает сожаление тот факт, что при наличии большого количества интересных исторических книг и мемуаров, посвященных событиям второй половины XX века, художественная литература обходит эту тему стороной. Очевидно, вопросы радикальной борьбы по-прежнему «неудобны» для интерпретации, а для становления художественной культуры края необходимы существенные изменения в политике и, прежде всего, изменение статуса самих южных тирольцев как исторических граждан немецкоязычной Австрии. Лишь при пересмотре многих политических ошибок, допущенных в XX веке, возможно культурное возрождение борющегося за свободу региона.

Библиографический список

1. Gruber, Lilli. Das Erbe: Die Geschichte meiner Südtiroler Familie. – München: Droemer Verlag, 2012.
2. Fedrigotti Bossi, Isabella. Lilli Gruber e i fantasmi del Tirolo: «Le mie radici tra nazismo e nostalgia». – Corriere della Sera, 10 ottobre 2012.
3. Messner, Reinhold. Ich selbst bin mein Vaterland: Empörung über Fernsehinterview von. – Der Tiroler, Heft 1, 1982.
4. Messner, Reinhold: Ich habe keinen Groll gegen die Politik in Italien. – Der Vinschger Wind. – № 16. – 9 August. – 1912.
5. Zoderer, Joseph. Die Walsche. – München – Wien : Carl Hanser Verlag, 1982.

II. DIALECTICS OF NATIONAL AND UNIVERSAL CULTURE

ИСКУССТВО УЗБЕКСКОГО ТАНЦА: ОСОБЕННОСТИ ШКОЛ И НАПРАВЛЕНИЙ

Н. Э. Абрайкулова

*Старший преподаватель,
Государственный институт искусств
и культуры Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан*

Summary. In this article is talked about Uzbek national dance. Author of article attended to describe specifics and development of dance schools and directions in Uzbekistan.

Keywords: suite; ensemble; choreographer; folklore; festival; composer; choreography; ballet; performance; image; genre; melody.

Искусство узбекского танца считается одним из древнейших видов искусства. С появлением древнего человека появился “танец”, однако его не представляли себе как искусства. С эпохи первобытнообщинного строя люди выполняли движения, связанные с трудовым процессом, растениями, животными, боями и охотами, религиозными обрядами. Кружась вокруг костра, стуча камнями и палками, хлопая ладонями, одинаково шагая, и подавая голос, люди сами, вполне не осознавая, образовали определённый “ритм”.

Развитие искусства танца непосредственно связано с историей народа, который его создал, и в свою очередь история искусства танца отражается в эволюции народа. Я хотела бы остановиться на этих двух взаимосвязанных показателях, которые являются долгим путём прогресса узбекского танца.

Узбекские танцы формировались и развивались при дворцах Хорезмского и Кокандского ханов, Бухарского эмира и среди простого народа. Все эти три направления узбекского танца подробно изучены искусствоведами, и даются подробные сведения о танцах «Каттауйин» Ферганы, «Маком ракси» Бухары, «Маком уфари» Хорезма, которые стали классикой узбекской хореографии. “Искусство народного танца, – сказала искусствовед, профессор Любовь Авдеева, – помогло человеку познавать мир и “создавать”, то есть “творить жизнь” [1]. В современном узбекском искусстве официально признаны школы танца Хорезма, Бухары и Ферганы, которые имеют свои особенные стили.

Кроме этого своеобразным путём формировались и развивались школы танца Каракалпакского народа и Сурхандарьинского оазиса. Эти пять школ танца резко различаются своей музыкой, ритмом, танцевальными движениями, одеждой и украшениями.

Ферганская школа танцев. В танцах Ферганской долины воспеваются природа. В ловких и проворных движениях тела мужчин изображаются величавые горы, движениями рук изображается сильный ветер и ливень. В движениях рук и тела девушек изображается нежные, тонкие и изящные явления природы. Танцы дают представления о разнообразных цветах, раскрывающихся первым лучам весеннего солнца, о радуге, переливающейся различными цветами. Можно будет слушать приятное журчание вод источников и горных арыков, щебетание разнообразных птиц. Нежные движения рук как будто заботливо поглаживают травы и листья деревьев. Ещё можно бесконечно продолжать такие ассоциации.

Мукарам Тургунбаева является основательницей ферганской школы танца и разработала основные её каноны. В дальнейшем обучении искусству танца лежат разработанные ею специфические черты ферганской школы. Прежде всего, выполняются лёгкие упражнения для головы, тела, рук, пальцев и плеч, лёгкие виды вращения корпуса. Объясняются точки и схемы сцены. Показывается исходное положение танцора, затем 7 положений рук и 7 позиций ног. После усвоения всех правил положения, обучение последующих движений танца продолжается при помощи учебника “Дойра дарси”, который состоит из 5 частей, разработанный совместно с Уста Алимом Камиловым – великим дойристом и знатком танца ферганской долины.

Тургунбаева изучала простые движения женщин и мужчин на свадьбах и гуляниях народа и придумала их сценические варианты. Она опиралась на танцевальные движения “Каттауйин” и ритмы дойры в исполнение мужчин Ферганские долины. Основательница школы профессионального народного танца применяла метод создания циклов новых движений на основе изменения одного движения. Она отбирала различные жанры Ферганского народного танца и создала цикл танцев.

К ним можно отнести массовые танцы: “Баёт”, “Занг”, “Каттауйин”, “Шашмаком”, “Ногорабаёт”, лирические композиционные танцы: “Весенний вальс”, “Андижанская полька”, “Хлопок”, “Кокон”, “Семь красавиц”, танец-поэма “Тановар”, монобалет “Муножат”, сольные танцы: “Джанон”, “Ритмы сердца”, “Рохат”, “Встреча”, “Кукла”, “Таржинаво”, “Весёлая девушка” и многие другие. Помимо вышеуказанных танцев она поставила на сцене танцы: “Ветерок”, “Наманганские яблоки”, “Вальс девушек”, “Весна Самарканда”, “Ташкентская пиала”, “Ферганские рубаи”, “Омонёр” и другие, исполнявшиеся в сопровождении различных песен.

Бухарская школа танца. Бухарская школа танца развивалась параллельно с другими школами танца Узбекистана. В процессе развития она

дополнялась локальными мелодиями и песнями, отличающиеся своеобразными чертами, характерными для данного региона. При исполнении Бухарского танца корпус держится вертикально, интенсивно топают ноги, в такт музыки руками и пальцами выполняются различные движения, щёлкают пальцами, бросаются выразительные взгляды, плечи мелко и крупно трепещут. Держа верхнюю часть корпуса строго вертикально, выражается характер жителей Бухары, одновременно создаётся условие свободному движению рук. Особенно широко распространен цикл танцев “Бухарский” и “Мавриги”.

Танец “Бухарский” исполняется в основном 6–8 женщинами-танцовщицами в сопровождении музыкальных инструментов: дойры, нагоры, занга (колокольчиков), кайрак (каменные кастанеты). А танец “Мавриги” исполняется только мужчинами в сопровождении дойры. Этот танец состоит из “Кайрокуфари” (исполнение задорных движений в сопровождении кастаньет), “Равона” (исполнение в сопровождении певца), “Уфор” (сольное исполнение танцовщицы), “Ларзон” (исполнение в сопровождении одной или нескольких дойр), “Занг” (исполнение певца в сопровождении колокольчиков, надетых на его руки и ноги) и других.

Хорезмская школа танца. Хорезмский край является страной многих великих людей и занимает достойное место в истории народов в Средней Азии. Первые появившиеся танцы в Хорезме связаны с религиозными обрядами. О танцах древнего Хорезма приводится много сведений в книге “Авеста”. В обучении танцев Хорезмской школы используют упражнения для головы, корпуса, рук, пальцев, плеч; различные виды вращений корпуса, 7 положений рук и ног, а также их движений, основанных на Ферганской школе танца, однако имеющие характерные стилистические и исполнительские черты хорезмской школы танца.

В хорезмском мужском танце характерны следующие движения: руки иногда бывают прямыми, а иногда согнутыми в локтях, пальцы смотрят вверх, вниз, ладони-в сторону, вверх или вниз. Верхняя часть тела немного откинута назад, лопатки близки друг другу, колени немного согнуты, носки ног немного разведены в сторону. Исходное положение женщин – кончики пальцев рук смотрят вниз, колени немного согнуты. Мужчины танцуют, одетыми в камзол тёмного цвета, а на голове – хорезмская круглая шапка-чугурма. Девушки на руки одевают маленькие колокольчики. На голове тубитейки с гаджаком (завитые колечками хвостовые перья селезня, символизирующие огонь сердца), на лоб завязывают маленький платочек с бусинами, серьги в ушах соответствует стилю региона, всё это служит созданию общего образа танца. Хорезмский танец богат движениями. Щелканье пальцев, прямой корпус, трепетание рук и тела, встряхивание плеч, прыгания на колени, ритмирование с кастаньетами и другие движения, своеобразных и женскому, и мужскому танцу. Танцами “Чагаллак”, “Норим-норим”, “Аликамбар”, “Оразибон”, “Мури”, “Хуббимбай”,

“Ширинновот” танцоры и комики показывают своё мастерство, а танцы “Ашшадароз”, “Маком уфари” раскрываются изящные движения танцовщиц. Цикл танца “Лязги” давал возможность показать своё мастерство как танцорам так и танцовщицам. В Хорезме существует 9 видов “Лязги” : “Огонь”, “Дутор”, “Кастаньета”, “Клоун”, “Гармонь”, “Сурнай”, “Ўғлон бола”, “Хорезмский лазги”, “Современный лазги”. Знаменитая танцовщица Онажон Халфа Собирова (Анаш хромая 1885–1952 гг.) внесла свой огромный вклад в сохранение традиций исполнительства халфа, то есть пения, играя на гармонии, и одновременного исполнительства танца танцовщиц под пение халфы. Это традиция исполнительства характерна для женщин.

Каракалпакская школа танца. В формирование и развитие Каракалпакской школы танца внесли огромный вклад танцовщица и балетмейстер, народный артистка Узбекистана и Каракалпакистана Лизахоним (Елизавета) Петросова и балетмейстер театра оперы и балета имени Алишера Навои Тамара Григорьевна Литвинова. Они основательно изучали движения Каракалпакских народных танцев и разработали учебную систему 14 положений рук и ног, и создали специальную книгу. Этой книгой пользуются и в наши дни в профессиональном воспитании молодых танцоров и танцовщиц. Существуют лирические, шуточные каракалпакские народные танцы рыбаков, чабанов, народных свадеб. Состоящий из двухчастей танец “Илме -Султан”, а также “Амударья”, “Так смеялась”, “Айкулаш”, “Сорок девушек”, “Белое золото” могут служить примером широкой жанровой полноты танца Каракалпакистана.

Танец “Свадьба” – в первой части подружки наряжают невесту и прощаются, во второй части изображается встреча жениха с невестой и торжество свадьбы в доме жениха.

Танец “Шагала” (“Чагалла”, “Чайка”) – это мужской танец, где показывается проворность и ловкость рыбака.

Танец “Чабана” (танец пастуха) – изображается занятие каракалпакского народа чабанством.

Танцоры и танцовщицы наряжаются в каракалпакские национальные одежды. В руках танцоров плетень, на голове шерстяная шапка, на теле короткая безрукавка, широкий пояс и шаровары, на ногах сапоги.

Танцовщицы одеты в длинную рубашку, на подол и рукава которой вышиты каракалпакскими национальными узорами, на голове высокий, декорированный головной убор. Самым известным хореографом-балетмейстером, постановщиком каракалпакских сценических народных танцев является Пулат Мадреимов, народный артист Узбекистана и Каракалпакистана.

Сурхандарьинская школа танца (на данный момент находится в стадии развития основных положений, характерных для этой школы). В настоящее время сформировалось 4 региональных направления узбек-

ского фольклорного искусства. Фольклорное танцевальное искусство Сурхандарьи, одно из них, которое сейчас изучается. Село “Катаригузар” Байсунского района, сёла “Большой Вахшивор” и “Маленький Вахшивор” Алтынсайского района (бывшего Деновского района), село “Зевар” Сариасийского района, село “Сина” и “Ушар” Деновского района, где ведётся на данный момент исследовательская работа, признаны историческими центрами танцевального искусства Сурхандарьинской школы танца.

Необходимо отметить огромную заслугу этих сёл – центров искусства в бережном сохранении до наших дней всех танцевальных традиций сурхандарьинской школы танца.

Сурхандарьинское искусство танца тесно связано с пением “а’сарелла”, и лишь позже танец стал сопровождаться нагорой, карнаем, сурнаем, доирой. Сурхандарьинские танцы “Кто возьмёт этого”, “Чапандоз”, “Свечка”, “Сюзане”, “Танец с ложкой”, “Тыква”, “Пастухи”, “Байсунский Мавриги” и другие исполняются двумя танцорами или двумя группами танцоров и танцовщиц, выступающих поочередно, показывая мастерство танца и пения участников. На массовых гуляниях во время праздников зрители с огромным удовольствием смотрели обрядовые и сюжетные танцы. В них отражались обычаи и обряды, традиции и ценности народа.

В завершении можно констатировать, что все школы узбекские танцевального искусства близки сердцу простого народа. Поэтому танцевальное искусство бережно сохраняется как нематериальное культурное наследие и является предметом постоянного исследования.

Используя современные педагогические технологии и применяя инновации в образовании танцевального искусства можно достичь совершенствования духовного развития подрастающего поколения, укреплению любви молодёжи к национальным ценностям их страны и народа.

Библиографический список

1. Авдеева Л. Из истории узбекской национальной хореографии. – Ташкент, 2001.
2. Авдеева Л. Танец Мукаррам Тургунбаевой. – Ташкент, 1989.
3. Курбанова Ш., Хурсандов Х. Сурхон ракс мактаби. – Ташкент, 2010.

НАЦИОНАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ КУЛЬТУРАХ (на материале звукоподражательных паремий)

С. А. Алиева

*Кандидат филологических наук, доцент,
Дагестанский государственный
университет, г. Махачкала,
Республика Дагестан, Россия*

Summary. The subject of the study are onomatopoeic paremias. The author, using different typologies of languages (Russian and Kumyk), attempts to describe the methods of linguistic specificity of national mentality. Comparative study of proverbs and sayings from different linguistic culture, possible to determine in them universal and national.

Keywords: onomatopoeia; linguistic culture; concept; cognitive model; national mentality.

Обширные интеграционные процессы, которые происходят в современном мире, требуют, в свою очередь, сближения и диалога культур, углубления взаимопонимания, как между обществами, так и между различными нациями.

Древняя культура и история людей хранятся в языке. Сквозь призму культуры, в том числе и языковой, человеку представляется окружающий его мир. Следует отметить, что в ходе теоретической и практической деятельности людям приходится иметь дело «с репрезентациями мира, когнитивными картинками и моделями» [4, с. 9]. Одной из задач человеческой культуры является определение сущности человека. Помочь в этом могут паремии (пословицы и поговорки). Природа пословицы неоднозначна. Её можно изучать не только с позиций фольклора, но и лингвистики. Лингвистику пословица интересует как языковой знак. Благодаря пословицам и поговоркам можно постичь прошлое языка, а также историю и культуру его носителей.

Цель данного исследования – описать лингвистическими методами специфику национальных менталитетов. Для этого будет проведен контрастивный анализ звукоподражательных паремий, составляющих основу русского и кумыкского менталитетов.

В ментальности находят своё культурное обнаружение навыки осознания окружающего мира. «Основная единица ментальности – концепт данной культуры» [3, с. 15]. Нередко концептуальные исследования проводятся на материале одного конкретного языка. Однако будет интересно проследить концептуальные различия в разных языковых культурах. Концепт как мыслительное единство может служить объединяющим началом для целого ряда паремий. Концепты, вокруг которых способны формироваться пословицы и поговорки, носят ценностный характер. Примером такого концепта является концепт «звукоподражания».

Ономатопы (к ним мы относим сами звукоподражания, звукоподражательные глаголы и отглагольные существительные) – существенный культурный компонент словарного состава русского и кумыкского языков. При метафорическом (переносном) употреблении звукоподражания находят реализацию, в том числе в пословицах и поговорках.

Сопоставительное изучение паремий, представляющих разные языковые культуры, предполагает учитывать универсальное и национальное. Последнее придает пословицам и поговоркам неповторимость и уникальность.

Звукоподражательные паремии включают в свой состав как непосредственно звукоподражания (мяу, гав, хрю, кукареку, кар), так и звукоподражательную лексику (мяукать, гавкать, хрюкать, кукареканье, карканье, квакша). 1. *На что вороне большие разговоры, знай, ворона, свое кра!* 2. *Свиньи хрю, и поросята хрю.* Аналогичное явление можно наблюдать и в кумыкском языке: *Бакъа бою атыла турса да, бакъа батмакъдан ариш гетмес* «Хоть лягушка всю жизнь прыгает, все равно не покидает болота». «Бакъ» обозначает звук, издаваемый лягушкой. Для сравнения русское звукоподражание «ква» и существительное «квакша». В количественном отношении пословиц и поговорок, в состав которых входят сами звукоподражания, в обоих языках немного. Гораздо чаще встречаются паремии, содержащие звукоподражательные глаголы и существительные: Рус. 1. *Сколько ни куковать, а к зиме отлетать.* 2. *И старую кукушку на ястреба не променять.* И звукоподражательный глагол «куковать» и существительное «кукушка» – производные от звуков, издаваемых этой птицей, «ку-ку». Кум. 1. *Вазирни вазиллагъаны жибинден.* «Жужжание Вазира хуже мухи», где *вазиллагъаны* от «вазвас» – звуки, напоминающие жужжание. 2. *Къаргъа къаргъаны гёзюн чокъумас.* «Ворона вороне глаз не выколлет». Лексема «къаргъа» от «къар». Сравним в русском языке *карга* – о старой, сварливой женщине.

Наряду с ономатопами, образованными от звуков, издаваемых животными или птицами, в русском и кумыкском языках встречаются и оноаматопы-вокативы: *С курами ложись, с петухами вставай*, где «кур-кур-кур» – контактный сигнал призыва кур. Оноаматопов-вокативов нами больше обнаружено в кумыкском языке: *Балагъан зат жижегинден белгили болур.* «Будущее (курицы) определяется с цыпленка». *Жижек* – цыпленок. Сравним кумыкское «жип-жип» и русское *цып-цып*. Помимо вокативов, используемых для привлечения животных и птиц, в кумыкских паремиях встречаются и ономатопы-репелленты, которые являются сигналами отпугивания животных. *Итге «гьырт» деген де, мишикге «шит» деген де, бугъар барып тие.* «И собаке, и кошке сказанное “уйди” касается ее». Репеллентом *гьырт* «пошла» прогоняют собаку, *шит* «брысь» – кошку.

В русских пословицах, наряду с книжной и нейтральной лексикой, используются и диалектные слова: *Курица кудахчет, хоть яйцо несет. А чего кочет зря глотку дерет.*

Структура паремий различна. Немало пословиц построено на сравнении. При этом следует отметить, что в паремиях встречаются различные способы, выражающие сравнение. Рус. 1. *Гогочет, как гусь на проталине.* 2. *Затоковал что глухарь.* Кум. *Къулагъума сюйрю жибиндей зувулай.* «Словно муха над ухом жужжит».

Переносный смысл, т. е. коннотативный характер пословиц, наряду с денотативным, присущ как образным, так и необразным пословицам. *Время, как воробей, – упустишь – не поймаешь.* Эта пословица входит также в группу пословиц о времени. К пословицам об упущенном времени можно отнести и кумыкскую *Биз къакъылладыкъ, булар къозлап къутулду.* «Пока мы кудахтали, другие уже яйцо снесли». Все вышеприведенные примеры русских паремий содержат сравнение, переданное сравнительным оборотом. В русском языке сравнение выражается с помощью творительного метаморфозы: *Запел соловьем, кончил кукушкой;* наречием: *Между воронами и сорока по-вороньи каркает;* прилагательным: *Сорока никогда соловьиные песни не поет.*

Типичной чертой синтаксиса русских пословиц является предикативное употребление сравнительного оборота: *Кукушка не ястреб, а неуч не мастер.* В данной конструкции, представляющей собой сложносочиненное предложение, использован лексический отрицательный параллелизм.

Как языковой знак пословица имеет два семантических плана: внутреннюю форму и денотативное значение. Вследствие этого когнитивная модель пословицы включает два уровня и хранит два вида знаний [2, с. 56]. Одно из них (картинно-образное) связано с внутренней формой, другое знание является рационально-обработанным. На основе данных уровней образуется когнитивное пространство пословицы. Паремии могут иметь совпадающие когнитивные уровни: *Пуганая ворона и куста боится. Бала тавук гёленткисинден къоркъар.* «Курица с выводком тени своей боится».

Вторая группа паремий с переосмысленной внутренней формой, которая не равна значению: *Маленькая птичка всегда воробей. Тонкъ-тонкъну оьмюрю – шанкъ-шанкъ булан гетер.* «Жизнь нерешительного пройдет без смысла».

И наконец, когнитивные уровни паремий могут пересекаться: *Звону много, да толку мало,* где компонент внутренней формы *звон* входит в денотативное значение «не всегда то, что громко звенит, приносит пользу, доход». Сравним в кумыкском языке *Алдым къоз, сатдым къоз, магъа къалды жагъур-жугъур.* «Купил орехи, продал орехи, мне остались копейки, где *жагъур-жугъур* – звук от железа, звон мелочи.

Сопоставление пословиц в русском и кумыкском языках может проводиться через установление маркеров общего и единичного менталитета, что позволит выявить универсальное и национальное в русской и кумыкской языковых культурах. У пословиц общего менталитета совпадают основные признаки внутренней формы и значения: *Не боится волк собаки,*

да не любит лая звяки и Бёрю итген кьоркъмас, гьаплагъанны суймес. «Волк собаки не боится, но лая не любит».

Уникальное денотативное содержание при уникальной внутренней форме: *Гюзгю жижекедей жавуллай*. «Зеркало пищит словно цыпленок». *Когда свинья на белку залает, тогда дурак поумнеет*. Общее значение при уникальности внутренней формы: *Бёрю сиривге гирсенг, айгъа улу*. «В стаю волков войдешь, вой на луну». *К воронам попал – по-вороньи каркай*. Все это пословицы-маркеры единичного менталитета. Культура вообще, а языковая, в частности, национальна и может основываться на национальном менталитете и национальной психологии. «Национальная культура является отражением, воплощением национального менталитета» [7, с. 108].

Контрастивный анализ звукоподражательных паремий показал, что в целом в русском и кумыкском языках преобладают маркеры единичного менталитета, у которых совпадает денотативное значение, но внутренняя форма различается. В паремиях отражены знания культуроведческого характера. Подавляющее большинство русских звукоподражательных пословиц и поговорок стилистически маркировано. Кумыкские звукоподражательные пословицы и поговорки в основном стилистически нейтральны.

Рассмотрение концепта «звукоподражания» на паремиологическом материале открывает перспективы для сравнительного анализа разных языковых культур, выявления в них универсального и национальных особенностей.

Библиографический список

1. Гаджихмедов Н. Э. Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок. – Махачкала : Издательство «Лотос», 2015. – 304 с.
2. Иванова Е. В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). – СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2002. – 155 с.
3. Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и философской интуиции // Язык и этнический менталитет : сборник научных трудов. – Петрозаводск : Изд-во ПУ, 1995. – 181 с. – с. 14–23.
4. Маковский М. М. У истоков человеческого языка. – М. : Высшая школа, 1995. – 159 с.
5. Пословицы. Поговорки. Загадки / сост., авт. Предисл. и коммент. А. Н. Мартынова, В. В. Митрофанова. – М. : Художественная литература, 1986. – 512 с.
6. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина; предисл. В. Аникина; сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин. – М. : Художественная литература, 1988. – 431 с.
7. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания : сборник статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – М. : ИЯ РАН, 1996. – 227 с. – С. 97–112.

ГОРОД: ПРОСТРАНСТВО И НАИМЕНОВАНИЯ

З. Н. Афинская
Л. Н. Кулаженкова

Кандидат филологических наук,
Старший преподаватель,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Summary. Street names is not only the fact toponymy, but also a socio-cultural phenomenon, the most important "place memory" of the people living in any city.

Keywords: morphology of the city; urbanism; motivation names; history; culture.

Город по-прежнему остается важнейшим пространством экономических, демографических и политических изменений, развиваясь в ракурсе новой концепции «устойчивого города» (*la ville durable*). Актуальность исследования урбанистического дискурса объясняется во многом значением феномена *город* в современном обществе, что подтверждается попытками представителями разных наук заострить внимание на реальности представлений о городе, которая «... неотделима от осознания и переживания городской среды и не существует вне процесса отношения к ней» [7, с. 34]. Отсюда – постоянное стремление социологов и культурологов (С. В. Пирогов, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов, М. Вебер, Л. Вирт, М. де Серто, Г. Дебор, А. Лефевр и др.) дать свое видение города вообще и поэтов и писателей, с другой стороны, рассказать о родном городе, что и объясняет во многом интерес к теме «мой город». Город в качестве одной из констант европейской культуры [8, с. 677], обладает важнейшим концептуальным признаком – транслируемости, т. е. способности быть адекватно понимаемым в разных национальных культурах, разными, подчас оппозиционными политическими силами внутри одного сообщества. [5, с. 32] «Город обретает очертания структурированного в языковой картине пространства, только в качестве дискурса, «одушевленного» присутствием человека с его обыденным существованием» [1, с. 36].

С позиций социолингвистики город рассматривается как лингвокультурный феномен, в котором постоянно происходит процесс взаимодействия рационального и творческого стремления перестроить существующее пространство, с одной стороны, и рождения новых форм городского дискурса, с другой, вследствие того, что в городе сконцентрированы не только институциональные и материальные факторы урбанизма, но и огромное количество населения, что подразумевает «...кумулятивное заострение характеристик, которые отличают связанный с ростом городов образ жизни...» [2, с. 95].

Если обратиться к истории французской культуры, то французский язык явился результатом возведения, начиная с XVI века – с помощью по-

литического авторитета королевской власти, – городского диалекта до уровня национального языка. Между тем, Париж, притягивающий как магнит население деревень и мелких поселений, обладал собственным языковым потенциалом: с одной стороны, в нем на протяжении веков нивелировались диалекты, с другой, – в нем обострялись языковые различия, порождаемые социальными факторами, которые принято обозначать как язык дворянства, буржуазии, сленги, аргю и др. Город постоянно создает новые формы культуры, которые требуют новых языковых форм, имеющих внетерриториальный статус – интернет и СМИ. Многоязычие города – это не временная характеристика, связанная с языковой раздробленностью средневекового общества, а его постоянное состояние, его, по словам В. В. Иванова, социолингвистическое предназначение: «Одним из самых существенных семиотических особенностей большого города, по видимому, с самого начала его истории является многоязычие или в более общем смысле наличие нескольких одновременно используемых семиотических систем» [4, с. 173].

Обозначение улиц, присваивание им названий – это не только языковое явление, свидетельствующее о развитии топонимии, но и социально-культурный феномен, важнейшее «место памяти» людей, населяющих любой город. Словарь названий городского пространства разнообразен (авеню, бульвар, набережная – *avenue, boulevard, allée, esplanade, quai*, etc) и постоянно пополняется новыми терминами для обозначения урбанистических зон (*zone, ZAC, ZUP*, etc.), видов недвижимости (*cit  , HLM, r  sidence*, etc), частей города (*centre, p  riph  rie, banlieue*, etc.). Весь комплекс формантов городского пространства (многоквартирные дома, административные здания разного назначения, культовые здания и пространства, парки, бульвары, проспекты, мосты, площади, улицы, переулки, тупики) существуют в городе, по словам Эрве Ле Бра, в неразрывном «морфологическом» единстве [10, с. 145], подобно морфемам одного слова [9, с. 324].

Наименование улиц – это факт культуры и языка. Процесс наименования улиц сводится, в общих чертах, как и любой процесс номинации, к проблеме «выбора признака (мотивация) и его выражения во внешней форме наименования (мотивированность)» [6, с. 81]. «Обозначить или назвать место или пространство – пишет французский исследователь, – это общественный акт, так как наименования меняются и представляют собой языковые формы (относительно) стабильные. С социологической и исторической точек зрения интересно изучить социальные корни номинации и их роль в городской топонимии» (Пер. З. А.)¹.

¹ « D  signer ou nommer un lieu ou un espace est un acte social, dans la mesure o   les nominations circulent et pr  sentent des formes (relativement) stabilis  es. Du point de vue sociologique et historique, il est int  ressant de consid  rer l'origine sociale de la nomination et son r  le dans la constitution des toponymes urbains» [11, с. 13].

В средневековой Европе, когда устная культура преобладала над письменной, названия улиц появлялись, как правило, в жизни города как факт повседневности. Выбор признака объекта, послужившего мотивом наименования, может объясняться как существенными архитектурными и социокультурными признаками, так и случайной ассоциацией, значение которой стирается со временем. Мотивация названий улиц в средневековом городе соответствовала нескольким критериям: обозначение формы улицы, основной деятельности или социальной принадлежности проживающих на ней, обозначение культового здания, иногда – имя важной личности, обосновавшейся на той или иной улице.

Так, в городе регионального значения Брив-ля-Гайярд мотивация названий улиц в старой части города соответствует нескольким критериям [13]:

- форма и местоположение относительно центра города: Basse (нижняя),
- основная деятельность населения: de Frappe (чеканка), des Pâtissiers (кондитеры), de la Poterie (гончары), Carbonnières (угольщики), des Echevins (городские советники), des Prêcheurs (доминиканцы),
- обозначение культовых зданий: церкви St.-Josef, St-Grégoire, Ste-Ambroise,
- обозначение важных городских сооружений: de l'Entrepôt (склады), Grenier (зернохранилище), des deux Porches (две паперты).

Мотивация наименования площадей, появившиеся практически одновременно с улицами, как один из необходимых видов организации городского пространства, отражает в своих названиях принципы, схожие с названиями улиц:

- функциональное назначение: de la Halle (рынок),
- культовые сооружения: St. Pierre,
- административные функции: de l'Hôtel de Ville (патуша),

Городские топонимы, возникшие в Средние века, отражают принципы наименования того времени, когда улицы называли «по особенностям ландшафта, именам и прозвищам живших там людей» [2, с. 36]. Начиная с XVII века, с эпохи расцвета монархии, и позже, вплоть до XX века названия улиц возникают вследствие политического решения как обозначения присоединенных провинций (Прованс, От-Вьен, Эльзас-Лотарингия), символизируя процесс объединения нации. Городская топонимика демонстрирует чередование институциональных процедур и тех, что возникли в речи сам их жителей.

Особенно отчетливо этот способ наименования – присвоения имен почетных граждан, имеющих большие заслуги перед государством – был обозначен в эпоху Революции (знаменитая триада *Гамбетта-Республика-Виктор Гюго* отмечена во всех французских городах) – и продолжается успешно вплоть до нашего времени. С начала XIX века появляются официальные перечни парижских улиц. В связи с развитием урбанизма в XX веке мотивация городской топонимики претерпевает изменения – админи-

страция вынуждена называть улицы еще на стадии планирования новых кварталов, присваивая им имена известных деятелей национальной культуры и истории (Фрагонар, Карно, Мирабо, Генерал Де Голль) или, что прослеживается в последнее время, прибегая к критериям политического выбора. Так, во французских городах появляются наименования в честь американских политических деятелей: авеню Рузвельт, площадь Кеннеди.

Институциональные названия улиц закрепляются в административных актах и официальных перечнях улиц города и не подлежат изменениям. Они избегают того процесса переименования улиц, который возник во Франции в период буржуазной революции.

К исторически возникшим наименованиям в названиях площадей возникают новые тенденции, а именно, присвоение имен исторических деятелей регионального и, главным образом, национального масштаба. Эта специфика топонимической номенклатуры площадей связана, очевидно, с тем, что площади как перекрестки улиц и направлений движения возникают чаще чем сами улицы, ведущие в этих площадях. Так, возникли площади в Брив-ля-Гайард, названия которых связаны с увековечиванием памяти национальных героев и государственных деятелей Франции [13]:

Авеню и бульвары, возникшие в новых кварталах города в процессе его урбанизации, обозначены именами французских исторических личностей и деятелей культуры, названиями регионов и памятных дат. Новым знаком в формировании городской семиотики становятся имена американских политических деятелей:

– авеню: du Pdt Roosevelt, Emile Zola, Jean Jores, Alsace-Lorraine, du 14 juillet, Victor Hugo,

– бульвары: Jules Ferry, Anatole France, du Général Koenig, E. Lachaud

Названия улиц в новых районах города отражают те же тенденции, которые характерны для наименования проспектов, авеню и бульваров. В них преобладает семиотическая тенденция, мотивированная урбанистической деятельностью администрации, но отнюдь не наименования, рожденные языковым творчеством населения. Таковы, например, названия улицы, как Raspail, P.Dejean, P. De Salvandy, Alfred de Musset, H.Brisson, du Général Dalton, Léon Cladel, du Général Verninac, напоминающие парижскую топонимику и топонимику других городов регионального значения.

В центральной (исторической) части города Лимож [12] принципы наименования улиц и площадей аналогичны с теми принципами, которые можно наблюдать на примере г. Брив-ля-Гайард:

– улицы, названия которых отражают исторический (естественный в своем бытовом существовании населения) процесс: Vigne de fer, des Petites Maisons (маленьких домов), de Clocher (колокольни), du Temple (храма), de la Gare (вокзальная), de la Boucherie (мясницкая), de la Préfecture (префектуры), de la Fonderie (плавильня – необходимое производство знаменитого лиможского фарфора), des Coopérateurs (кооператоров);

– улицы, в названиях которых отражается стремление муниципалитета «обессмертить» имена великих жителей города: Turgot (государственный деятель эпохи Просвещения, губернатор Лимузина), Bernard-Palissy (знаменитый основатель производства фарфора в Лиможе);

– площади с названием в честь культовых зданий как важнейшей пространственной координаты: St.-Etienne, de l'Evêché;

– площади, названные или переименованные в честь исторических деятелей Французской республики или отражающие новые принципы регионального устройства республики: de la République, Fournier, d'Aine, Haute-Vienne и др.

Авеню и бульвары возникали в городах в эпоху активного урбанизма, начиная, главным образом, с XIX века, поэтому в их названиях прослеживается культурная и историческая мотивация городских властей: авеню Georges Dumas, de la Liberation (освобождение от немецкой оккупации), Garibaldi. Но сохраняется отчасти и «исконный» принцип: place des Bénédictins (пл. Бенедиктинцев).

Бульвары, возникшие в столице и в региональных городах в периоды активного урбанизма, соответствуют магистральным направлениям в большей степени, нежели подобию парков в городских условиях. В их названиях сохраняется принцип наименования, отражающий исторический процесс, когда бульвар возникает на месте старых улиц: de la Corderie (канатное производство и торговля канатами), St.-Maurice, de la Cité. Но преобладают названия мотивированные административной урбанистической деятельностью: Louis Blanc, Gambetta.

Таким образом, мы наблюдаем, что социолингвистическая панорама города постоянно меняется во времени и в зависимости от урбанистической политики города, региона, страны, от перемещения населения по территории города в зависимости от имущественных, социальных и культурных критериев. Топонимия города отражает социальные изменения в жизни населения, его культурные запросы: жить в центре или на окраине, в престижном пригороде или в производственной зоне отражает реальные и воображаемые ценности. Отношения между городом и наименованиями городского пространства отражают реальные, символические и дискурсивные факторы. Город постоянно расширяет свое географическое и символическое пространство в соответствии с урбанистической политикой, что способствует появлению новых топонимов и нового урбанистического дискурса. Актуальность урбанистического дискурса подтверждается в процессе постоянного обогащения городской топонимики. Мотивация, предшествуя номинации, определяет текст городского пространства. Для топонима, как и для любой языковой единицы, свойственна мотивированность. Таким образом, процесс наименования городского пространства сводится к проблеме выбора признака (мотивация) и его выражения во

внешней форме наименования (мотивированность) [6, с. 81]. Поэтому город становится пространством и текстом.

Библиографический список

1. Афинская З. Н. К вопросу об урбанистическом дискурсе // *Paradigmata poznani*, № 1. – Praha, 2015.
2. Вирт Л. Урбанизм как образ жизни // *Избранные работы по социологии* : сб. переводов / пер. с англ. Николаев В. Г. Отв. Ред. Гирко Л. В. – М., 2005.
3. Загряжская Т. Ю. Франция в культурологическом аспекте : учеб. пособие для вузов. – М., 2007.
4. Иванов В. В. К семиотическому изучению культуры истории большого города // *Избр. Труды по семиотике и истории культуры. Т. 4. Знаковые системы культуры, искусства и науки.* – М., 2007.
5. Карасик В. И. Этноспецифические концепты. Гл. 1. // «Иная ментальность». – М. : Гнозис, 2005.
6. Павлова А. В. Анализ мотивированности и внутренней формы наименования состояний (на материале английского и русского языков) // *Перспективные научные исследования в языкознании* : колл. монография / под ред. А. В. Павловой. – М., 2012. С. 57–83.
7. Пирогов С. В. Город как феномен культуры: когнитивный подход // *Вест. Томск. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение.* – Вып. – № 2. – 2011. – С. 31–38.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – 3-е изд., испр. и доп. – М., 2004.
9. Dubois J. et alii. *Dictionnaire de linguistique.* – Paris, 1973.
10. Le Bras H. L'hospitalité comme relation. Dilatation de l'espace et contraction du temps // *Communications.* – № 65. – 1997. – p. 143–148.
11. Leimdorfer Fr. Des villes, des mots, des discours // *Langage et société.* – 2005. – 4 (№°114). – P. 3–25.
12. Offrez-vous du Limoges ! – №. 2. – 2008.
13. SANSDETOURS. Magazine de l'Office de tourisme de Brive-la-Gaillarde, 2011.

ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ ДИВЕРГЕНЦИИ И СТРАТОВОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Р. Н. Канафиев

*Кандидат филологических наук,
Ивановская пожарно-спасательная
академия,
Государственная противопожарная
служба МЧС России,
г. Иваново, Россия*

Summary. Article shows the correspondence of linguistic phenomena of divergence and striation of national culture. It allows to identify the specificity of the scientific and everyday taxonomy compared by examining the definitions of linguistic units, set the language and logical correlation of the fragments of different types of world view. Comparison of scientific, professional, commonplace (or naive) invariants in a particular field of knowledge, identification of both formal and internal inconsistencies between them allow to describe ethnic and cultural specificity of the fragment the lexical-semantic system in a monolingual analysis.

Keywords: divergence; striation of national culture; world view.

Соотнесение научного и обыденного знания осознается многими лингвистами как необходимое. В. К. Ментруп утверждает: «Противоречие между расширяющимся миром трудовой и профессиональной деятельности и личной жизнью человека, так же как противоречие между все дробящимися и постоянно расширяющимися профессиональными языками и общенародным языком, все чаще воспринимается как угрожающее и неразрешимое» [2, с. 301].

Размежевание диалектов или вариантов одного языка и превращение их в самостоятельные языки (так называемая *дивергенция*) прослеживается лингвистами не только относительно территориальных диалектов, но и применительно к языку различных социальных слоев. Еще В. В. Виноградов указывал на особенности идиолектной дивергенции лексического строя русского литературного языка, отметив, что особенно ярко они проявились во второй половине XIX в. (см. об этом в: [1]). Наряду с использованием понятия дивергенции в языковедческой литературе для обозначения одновременного существования в обществе двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах, используется термин *диглоссия*.

Наличие явлений дивергенции или диглоссии в языке согласуется с теорией Н. И. Толстого о стративности единой этнической культуры, согласно которой между языком и культурой существует «...некий изоморфизм... структур в функциональном и внутрииерархическом (системно-стратиграфическом) плане» [3, с. 16]. Идея изоморфизма языка и культуры наряду с социолингвистическим описанием языка позволила

Н. И. Толстому показать стратовый характер славянских культур XIX века. Внутри единой национальной культуры сосуществует, по его мнению, несколько основных пластов, каждый из которых имеет свой язык: первый из них элитарная, или «книжная», культура образованных слоев общества (формой ее языкового воплощения является литературный язык); второй – самый мощный пласт – народная, в основе своей, – крестьянская культура (ей соответствует язык фольклора, территориальные диалекты и говоры); между ними помещается промежуточный пласт, получивший название «третья культура» или «лубочная культура» (форма ее языкового выражения – городское просторечие) и, наконец, последний, во многом «фрагментарный и несамостоятельный пласт», – традиционно-профессиональная культура, проявляющаяся в профессиональных аргосе пастухов, пчеловодов, ткачей, торговцев, ремесленников и т. п. [3, с. 15–26]. Еще одним существенным звеном в «структуре культуры» были носители идиолекта. Представителями этой индивидуальной культуры являются отдельные личности, в народной культуре – знахари, колдуны, ворожеи, сказочники, а в культуре элитарной – писатели, художники, актеры [4, с. 17]. Вполне естественно, что данная схема несколько упрощена, исторически обусловлена, не константна, а культурные страты или слои неравновелики и неравноценны. Тем не менее, такая стратификация языка и культуры убеждает в необходимости учитывать неоднородность этнической культуры и национального языка. Кроме того, можно утверждать, что, будучи ориентированной на ситуацию XIX – первой половины XX века, теория Н. И. Толстого обладает объяснительной силой и применительно к современной лингвокультурной ситуации.

Явление дивергенции (или диглоссии) и признание стративности единой этнической культуры позволяют а) выявить специфику научной и обыденной таксономии, б) сопоставить путем изучения дефиниций языковых единиц особенности содержания конкретных терминосистем и содержательно родственных им семантических полей, в) установить языковую и логическую корреляцию фрагментов научной и обиходно-бытовой картин мира. Подобный подход в лингвистике позволяет проанализировать особенности трансформации научного знания в профессиональном социолекте и сравнить его обыденными представлениями рядового носителя языка, выраженными внутренней формой общенародной лексики. Сопоставление научного, профессионального, обыденного содержательных инвариантов знания об определенной сфере знания и выявление как формальных, так и внутренних несовпадений между ними позволяет в условиях монолингвистического анализа описать этнокультурную специфику исследуемого фрагмента лексико-семантической системы.

Признавая, что социально-культурная дивергенция объективно существует, а также опираясь на теорию Н. И. Толстого, можно утверждать, что для каждого из культурных стратов характерен не только свой язык, но и

содержательный инвариант знания, анализ которого применительно к каждому из стратов и позволит выявить национально-культурную специфику языкового материала определенной сферы деятельности.

Библиографический список

1. Гинзбург Е. Л., Караулов Ю. Н., Цыб Е. А. Русский тезаурус второй половины XIX века. Конкретная лексика // Русский язык: исторические судьбы и современность. – М., 2001. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2001/abstract/files/lex_fraz.doc (дата обращения: 01.04.2015).
2. Ментруп В. К. К проблеме лексикографического описания общенародного языка и профессиональных языков // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. – XIV. – М., 1983.
3. Толстой Н. И. Культурная семантика славянского *vesel- // Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.
4. Толстой Н. И. Этническое самопознание Нестора Летописца // Избр. тр.: В 2-х т.: Т. II. – М., 1998.

ИСКУССТВО УЛИЧНОЙ ЖИВОПИСИ

И.А. Петраш

*Кандидат филологических наук
Орский гуманитарно-технологический
институт (филиал) ОГУ*

Ю.Г. Васильева

*Ученица,
МОАУ СОШ №38,
г. Орск, Оренбургская область, Россия*

Summary. This article discusses the main types of graffiti (writing, tagging, bombing, scrubbing). Described font and plot directions in art of graffiti. The characteristic graffiti styles (Broadway, bubble, 3D, wild style, character) and old school and new school of graffiti. Styles of graffiti illustrated by J. G. Vasiliva.

Keywords: art of graffiti; types of graffiti; font graffiti; plot graffiti; graffiti styles; schools of graffiti.

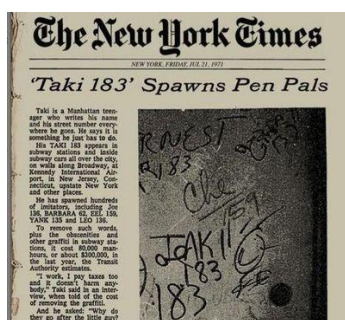
Искусство уличной живописи принято называть термином граффити, восходящим к итальянскому слову *graffito*, которое переводится как «надпись, рисунок на стенах домов, в местах общественного пользования» [3]. Однако наибольшую популярность граффити обрело не в Италии, а в США. Возможно, этим объясняется англоязычность терминологии, используемой исследователями и сторонниками подобной живописи.

Распространение данного вида искусства связано с появлением бунтарских субкультур, для которых создание рисунков на стенах в общественных местах было выражением неподчинения нормам социума, в котором зародилась та или иная субкультура. В связи с этим подчеркнем, что уличные рисунки, как правило, создаются непрофессиональными художниками.

Кроме того, толчком к развитию уличного искусства живописи стало производство краски в аэрозольных баллончиках, запущенное в 1949 г.

Граффитисты создают рисунки в виде переплетения букв (шрифтовое граффити) или декоративных композиций (сюжетное граффити).

Кроме этих двух направлений в уличном искусстве живописи принято выделять следующие виды: writing, tagging, bombing, scrabbing [2]. Граффити в обычном понимании этого слова представлен первым из перечисленных видов. Второй – написанное художником собственное прозвище. Tagging с течением временем развития искусства уличной живописи стал своеобразным дополнением к рисункам граффити, так как авторы обычно ставят под ними свою подпись.

Первый уличный художник-граффитист

Bombing – создание большого количества граффити за маленький временной промежуток. Поскольку выполнение рисунков связано в первую очередь со скоростью их нанесения, то от количества страдает качество исполнения. Кроме того, время, отведенное на создание изображения, мало в силу того, что рисунки наносятся на средства транспорта и другие объекты, где нанесение узоров запрещено. Противоречит здравому смыслу и последний из названных видов граффити – scrabbing, так как данный он предполагает выцарапывание надписи или сюжета на стеклах общественного транспорта. Уличные художники-граффитисты могут быть привлечены к уголовной ответственности за выполнение рисунков в соответствии с УК РФ (умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167), вандализм (ст. 214), уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) (ст. 243) [4].

Существует множество стилей граффити. Охарактеризуем основные из них, такие как Broadway, bubble, 3D, wild style, character.

Возникновение стиля Broadway, как видно из его названия, связано с самой длинной улицей г. Нью-Йорка. Для данного стиля граффити особенно важным является не цвет рисунка и не сложность его исполнения, а размер, поскольку действует принцип «у кого больше, у того и лучше». Рисунки граффити, выполненные в стиле Broadway, создаются в 2 цветах, которые

обычно являются разными оттенками одного и того же цвета. В данном стиле, как правило, работают начинающие мастера уличной живописи.

Стиль Broadway

Стиль bubble (англ. «пузырь») относится к шрифтовому направлению граффити. Он также, как и Broadway, используется преимущественно начинающими граффитистами. Данный стиль характеризуется изображением букв в виде дутых мыльных пузырей, которые готовы лопнуть. Абсолютно все буквы слова, изображенного художником, работающим в стиле bubble, похожи друг на друга. При этом для создания надписи обычно используется только 2–3 цвета краски.

Стиль bubble

В последнее время с развитием 3D-технологий набирает обороты стиль граффити 3D. Уличные художники, создающие объемные 3D-надписи, используют не менее 4 цветов, выбирая при этом такие, которые будут контрастировать с фоном.

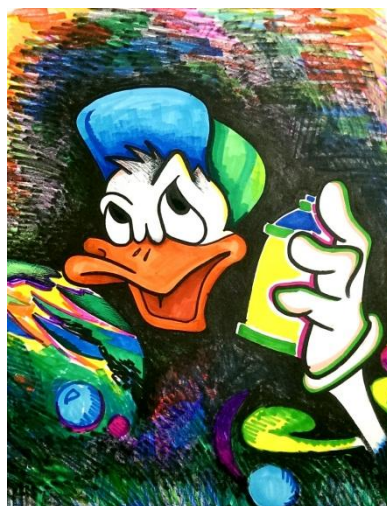
Стиль 3D

Стиль bubble и стиль Broadway не пестрят красками, для стиля 3 D уже характерна более широкая цветовая гамма, но наибольшей палитрой цветов и оттенков отличается wild style (англ. «дикий стиль»). По сравнению с представленными ранее стилями, здесь значительно усложняется не только цветовая гамма рисунков, но и их форма. Граффитисты, работающие в стиле wild style, стараются использовать различные формы при написании букв, применяют всевозможные элементы их декора, что нередко приводит к затруднениям прочтения созданного рисунка. Данный стиль граффити используют уличные художники, освоившие начальные техники, уже приобретшие большой опыт выполнения более простых рисунков.

Стиль wild style

Рассмотренные стили Broadway, bubble, 3D, wild style относятся к шрифтовому направлению граффити, тогда как стиль character (англ. «характер») – сюжетное граффити или сочетание сюжетного и шрифтового граффити. Рисунки стиля character также, как и надписи в стиле wild style, выполняются с использованием большого количества цветов (не менее 5). В связи с тем, что character – это, прежде всего, рисунок, а не просто надпись, за его выполнение берутся далеко не все уличные художники, а лишь те, кто имеет не только большой опыт создания граффити, умеет сочетать цвета и формы, но и обладает ярко выраженными художественными способностями. Как правило, в стиле character создаются комиксы или карикатуры. При этом подчеркнем, что уличные рисунки данного стиля обычно показывают вымышленных или, наоборот, хорошо всем известных героев. Если граффити character представляет собой комикс, то он обычно содержит в себе и характерную для комиксов рамку с речью изображенного героя, тогда и происходит слияние шрифтового и сюжетного направлений граффити в одной работе.

Стиль character

В процессе развития уличного искусства живописи сформировались две школы: old school (англ. «старая школа») и new school (англ. «новая школа»). Как видно уже из названий, первой, на начальном этапе развития искусства граффити, появилась old school. Для нее характерна простота создаваемых надписей, малое количество используемых в работах цветов. Old school представлена такими стилями, как Broadway и bubble. По мере совершенствования навыков граффитистов, появления новых, более сложных техник начертания надписей и создания рисунков формируется new school. Сторонники данной школы работают в стилях 3D, wild style и character.

Представленные в статье направления (шрифтовое, сюжетное), виды (writing, tagging, bombing, scrubbing), стили (Broadway, bubble, 3D, wild style, character) и школы граффити (old school, new school) позволяют отразить основные черты искусства уличной живописи, но не дают полного представления обо всех возможных вариантах. Дать полную классификацию граффити невозможно, так как каждый уличный художник сочетает в своих работах достижения предшественников, но адаптирует их «под себя» не только с учетом собственного вкуса, но и своего уровня художественного мастерства.

Библиографический список

1. Граффити. История. URL: <http://vestnikk.ru/society/man-art/4357-graffiti-istoriya-i-vidy.html> (дата обращения 29.04.2015).
2. Интересные направления и стили граффити. URL: <http://graffiti-art.ru/2012/06/25/stili-i-napravleniya-graffiti/> (дата обращения 29.04.2015).
3. Медведева О. П. Искусство граффити. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – 80 с., илл.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: <http://www.consultant.ru/popular/ukrf/#info> (дата обращения 29.04.2015).

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВА ЛИЧНОСТИ

И. И. Скачкова

*Кандидат филологических наук, доцент,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
филиал в г. Волгоград, Россия*

Summary. The author examines language rights of an individual in a multinational state. The researcher also describes complex and contradictory interaction between language policy and language rights of minority groups. The author describes the actions of the US Department of Education to protect the language rights of the indigenous peoples of North America and characterizes them as symbolic, not promoting preservation of the specified languages.

Keywords: language rights; language policy; minority groups; indigenous peoples.

Как только исследователи языковой политики и языкового планирования стали изучать социально-историческую связь языковой политики с обществами, в которых эта политика реализуется, их интерес привлекли вопросы, касающиеся прав меньшинств в области языка, которые называются языковыми правами человека. Существует сложное и противоречивое взаимодействие между языковой политикой и языковыми правами миноритарных групп. Это взаимодействие определяет широкий социально-исторический, социально-культурный и социально-политический анализ языковой политики, особенно относительно статуса, использования и значения миноритарных языков в современном мире.

И. Г. Илишев отмечает, что при всей важности для отдельного индивида, феномен языковых прав личности не всегда учитывает специфику тех проблем, с которыми сталкиваются этнические группы. Соблюдение языковых прав отдельного индивида означает, прежде всего, то, что каждый человек имеет право на свободное использование своего родного языка, независимо от его статуса (государственный / негосударственный, официальный / неофициальный) и демографической характеристики носителей (мажоритарная / миноритарная группа). Исследователь особо отмечает право всех людей без исключения на изучение родного языка и получение на нем, по крайней мере, начального образования.

С его точки зрения языковые потребности народов носят групповой характер и, следовательно, гораздо шире языковых прав отдельного человека, которые являются важными для него в личной, бытовой, профессионально-образовательной и подобных сферах. Что касается народов и национальных меньшинств, языковые права следует рассматривать в этнокультурном плане, как важнейшее средство сохранения и развития их лингвистической самобытности. Автор указывает на зависимость содержания и объема обсуждаемых прав от статуса конкретной этнической группы.

Обычно нации и народы имеют гораздо больше языковых прав, чем национальные (этнические) меньшинства, которые, в свою очередь, имеют больше прав, чем малочисленные этнические группы, а иммигранты обладают, как правило, самым минимальным их набором [2, с. 103]. Добровольно приехавшие на постоянное место жительства в США русские, поляки, вьетнамцы не могут обладать теми же языковыми правами, которыми обладают коренные жители Северной Америки, гавайцы и пуэрториканцы. Кроме того, «язык мигрантов» исключен из Европейской хартии о региональных языках и языках меньшинств Совета Европы уже в определенной части [6]. основополагающим юридическим документом, который защищает языковые права личности, является Всеобщая декларация прав человека (1948), которая соблюдается во всех цивилизованных странах мира [4]. В Докладе о развитии человека показана зависимость языковых прав, культурной свободы и развития человека: «... no more powerful means of «encouraging» individuals to assimilate to a dominant culture than having the economic, social and political returns stacked against their mother tongue. Such assimilation is not freely chosen if the choice is between one's mother tongue and one's future». «Нет более мощного средства, способствующего ассимиляции личности в доминирующую культуру, чем экономические, социальные и политические условия, в которых вынужден существовать материнский язык этой личности. Такая ассимиляция не является свободой выбора, если приходится выбирать между материнским языком и будущим человека» (здесь и далее перевод наш – И. С.) [8]. Это положение иллюстрирует следующий пример. Студентка из племени навахо говорит, что если ей придется выбирать между жизнью в хогане в миле от ближайшего источника воды, но ее сын при этом вырастет, разговаривая на навахо, и жизнью в доме с водопроводом, где она будет разговаривать с соседями на английском языке, она выберет английский и ванную [5, с. 42].

Проиллюстрируем разницу между индивидуальными и групповыми языковыми правами конкретными примерами, взятыми из реальной жизни. Например, пожилая женщина, курдянка по национальности, получила разрешение навестить своего сына, отбывавшего тюремный срок в турецком городе Диарбакир. Согласно принятому правилу, мать и сын должны были общаться друг с другом исключительно на турецком языке, однако женщина не знала этого языка. Следовательно, в данном случае речь можно вести о том, что было нарушено ее частное право на использование родного (и, судя по всему, единственно доступного для нее) языка. Указанное право могло быть обеспечено достаточно просто – предоставлением услуг переводчика, более того, учитывая вероятность частого повторения подобных ситуаций, администрация тюрьмы была обязана ввести соответствующую штатную должность. Несколько иным по своим масштабам и последствиям является другой пример.

В Коми-Пермяцком автономном округе, где коренной народ составляет более чем 60 % населения, единственным языком, на котором дети обучаются в школе, а органы государственной власти ведут делопроизводство, является русский язык. Во многом из-за этого происходит языковая ассимиляция коренного населения и при этом для лиц, не владеющих русским языком, вспомогательных переводов не предусмотрено. В отличие от предыдущего примера, в данном случае речь уже следует вести о нарушении права целого народа на использование и сохранение своего родного языка [2, с. 104].

Что касается языковых прав народа, то языки национальных меньшинств западных стран всегда имели крайне низкий статус и до недавнего времени не учитывались совсем. Причем, не только статус языков, но и сам статус коренного населения этих стран не позволял им считаться полноценными гражданами. Так, в Австралии вплоть до референдума 1967 г. о статусе аборигенов, дела коренных народов рассматривались в рамках законодательства о флоре и фауне. Аналогичным было положение и североамериканских индейцев. До 1951 г. в Канаде дела коренных жителей Северной Америки рассматривались в рамках Департамента горнорудной промышленности и ресурсов. Когда первые европейцы прибыли покорять американский континент, в Северной и Южной Америке проживало, по разным данным, от 15 до 40 млн. человек, говорящих на 1800–2000 языках, носители 300 из которых проживали в Северной Америке. Такое разнообразие языков в одном только Западном полушарии уникально, причём некоторые из них удивительны по своей структуре. Одним из этих языков был язык индейцев чиппева, в котором насчитывается около 6000 глагольных форм, поэтому этот язык считается одним из самых трудных в мире. По данным исследователей к 1995 году в США сохранилось около 209 индейских языков, часть из которых относится к одной языковой группе. Ученые говорят, что носителями некоторых языков является небольшое количество пожилых людей, с уходом которых из жизни исчезнет почти 80 % современных языков североамериканских индейцев [3]. Многие из этих языков не имели письменности. Например, письменность для языка чероки была изобретена индейцем Джорджем Гессом (также известным как Джордж Гист или вождь Секвойя) в 1819 году [1, с. 263]. Это была первая неевропейская письменность, получившая распространение среди индейцев и метисов. Однако, в настоящее время, всего через 200 лет, в штате Северная Каролина осталось менее 300 носителей языка чероки. Члены племен надеются сохранить свой язык и культуру, создав небольшую школу New Kituwah Academy, в которой обучается всего 90 учеников. Хотя, как говорит учитель Michelle Long, большинство уроков проходит на английском языке. Президент штата Северная Каролина Monica Wildcat, индеец (племени) чероки говорит: «If we lose the Cherokee language, we are not even

Cherokee, we are just ... mainstream America» (Если мы потеряем язык чероки, то мы уже не чероки, мы просто ... представители мейнстрима) [10].

Самый распространенный индейский язык в США сегодня – навахо, насчитывающий около 150 000 носителей. Только к концу XX века в США были приняты программы для сохранения языков коренных народов Америки: были организованы специальные языковые курсы в племенах, языковые лагеря, эти языки преподавались в университетах и колледжах, а в некоторых вузах было введено преподавание отдельных предметов для коренного населения на родном языке. В 1978 году был образован Институт развития языков американских индейцев, ставящий своей целью «защищать права коренных языков и обеспечивать лингвистическое и культурное разнообразие» [3]. В рейтинге Министерства образования США среди программ по подготовке педагогических кадров из миноритарных групп этот институт вошёл в десятку лучших по стране. Американское законодательство конца двадцатого века поддерживало сохранение языкового наследия индейцев. 30 октября 1990 года вышел Акт о языках коренных американцев (Native American Languages Act), в котором Конгресс подчеркнул, что «статус [их] культур и языков ... является уникальным, и Соединённые Штаты ответственны за взаимодействие с коренными американцами для обеспечения выживания этих уникальных культур и языков», так как «традиционные языки ... [индейцев] – неотъемлемая часть их культур и индивидуальности, а также основная форма передачи, и, следовательно, выживания... [их] культур, литератур, историй, религий, политических институтов и ценностей» [9]. Позднее Сенат провел специальные слушания по вопросу оказания финансовой поддержки программам возрождения коренных языков. Наравне с обучением индейцев родному языку и включением последнего в университетские программы предпринимаются и другие шаги. Например, американская Ассоциация современных языков весной 2005 года приняла решение о поощрении глубокого изучения индейских языков лингвистами с последующим составлением словарей, грамматик и других учебных материалов, помогающих в их преподавании.

Дж. Фишман назвал такие действия символическими. С его точки зрения, официальный статус автохтонного гавайского языка на Гавайях и навахо в Нью-Мексико также имеет только символическое значение. Указанные языки используются на избирательных бюллетенях и официальных бланках. На этих языках исполняются песни по официальным случаям, например, в лютеранских церквях в Миннесоте в День норвежского языка. Ученый говорит о том, что даже если случаи использования автохтонных языков (с его точки зрения автохтонные языки находятся под угрозой исчезновения) нередки, например, ежедневное начало учебного дня в школе, эти шаги имеют чисто символический характер, не имеющие ничего общего с защитой языковых прав личности и народа. Описывая положение дел с автохтонными языками, находящимися под угрозой исчезновения, он ис-

пользует медицинские метафоры и говорит о том, что вымершие языки были исследованы до смерти, а вымирающие языки исследуются до смерти в настоящее время. А почетные похороны не могут считаться эффективной защитой языка, как и показ фильмов для взрослых на каком-либо исчезающем языке без межпоколенной передачи этого языка. Для сохранения и межпоколенной передачи таких языков нужна более действенная помощь, например, создание яслей, детских садов, курсов для родителей с использованием таких языков [7, с. 129].

Библиографический список

1. Гиляревский Р. С. Гривнин В. С. Определитель языков мира по письменностям. – М. : Наука, 1965. – 263 с.
2. Илишев И. Г. Язык и политика в многонациональных обществах (проблемы теории и практики) : дисс. ... д-ра политич. наук. – Санкт-Петербург, 2000. 334 с.
3. Ле Коадик Р. Мультикультурализм // Диалоги об идентичности и мультикультурализме. Ред. Е. Филиппова, Р. Ле Коадик. – М. : Наука, 2005. URL: http://www.eawarn.ru/pub/Pubs/DialogueMulticulturalism/02_Multiculturaliz m.htm (дата обращения 20.08.2014).
4. Словарь социолингвистических терминов. / отв. ред. В. Ю. Михальченко. – М. : Российская академия наук. Институт языкознания. Российская академия лингвистических наук, 2006.
5. Язык в глобальном контексте: Северная Америка сегодня как культурно-языковой феномен : сб. обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол. : Казак Е.А., Клименко О.К. (отв. ред.) и др. – М., 2013. 166 с.
6. European Charter for Regional or Minority Languages. URL: <http://conventions.coe.int/treaty/en/Treaties/Html/148.htm> (дата обращения 20.12.2014).
7. Fishman A. Joshua Multilingualism and non-English mother tongues. *Language in the USA: Themes for the Twenty-first Century*. N.Y. Cambridge University Press, 2008. pp. 115–132.
8. Human Development Report. URL: <http://hdr.undp.org/reports/global/2004/> (дата обращения 01.04.2015)
9. Native American Languages Act of 1990. URL: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/11802649> (дата обращения 18.04.2014).
10. Push to preserve the Cherokee Language. URL: <http://www.usatoday.com/videos/news/nation/2015/03/25/70415898/> (дата обращения 27.03.2015).

III. THE ESSENCE OF CIVILIZATION: THE PRINCIPLES, TERMS AND DEFINITIONS

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО/ПАРТНЕРСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Ю. А. Иликеева

*Кандидат исторических наук, доцент,
Башкирский государственный
университет, г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. Article analyzes gender equality/partnership in the conditions of globalisation. Necessity of a gender as socio-cultural and discursive unit is discussed. Translation of values of gender equality in the terms of globalisation is inconsistent, but it is necessary.

Keywords: globalization; sex; gender; gender equality; gender partnership.

Рассматривая глобализацию в широком смысле как планетарную эволюцию человека нетрудно заметить, что даже такие, казалось бы, незыблемые константы как образ жизни, система ценностей, способ мышления меняются. Появление нового взгляда на пол (sex) и роль пола в культуре во второй половине XX в. является одной из вех этого процесса. Еще Н. Бердяев в начале XX века писал, что «существенно для нашей эпохи властное чувство центральности проблемы пола...» [1]. Глобализация актуализировала «пол» как один из инструментов создания нового мира через понятие «гендер», учитывающего многовариативное влияние фактора пола (пола биологического (sex) и пола социального (gender)). Сегодня предметом гендерных исследований являются не два (женский и мужской), а как минимум пять типов гендера в современной культуре (женский, мужской, гомосексуальный, гетеросексуальный и транссексуальный), каждый из которых является специальным предметом гендерных исследований, также выделяющих критерий иного в качестве базового методологического критерия.

Но зачем нужен гендер? Во-первых, данная дефиниция, альтернативная полу (sex) была призвана подчеркнуть социальный характер между полами и исключить биологический детерминизм. Во-вторых, для того, чтобы понять какие средства способствуют сознательному и бессознательному определению места индивида в обществе и, быть может, получению от этого преимуществ. Ведь гендер есть первичное средство отношений власти/подчинения. В-третьих, выяснив каким образом конструируются гендерные отношения в том или ином обществе, деконструировать их и

построить по-новому, построить общество гендерного равенства [6]. И, в-четвертых, отвечая на вызов глобализации как всеобъемлющего процесса цивилизации, связанного с новым измерением человеческого бытия мобилизовать весь человеческий потенциал, а не только его отдельную, мужскую, часть, так как развитие компьютерных и информационных технологий качественно упрощая формально-логические, аналитические процессы актуализирует творческую, интуитивную сферу, составляющих, в первую очередь, основу женского опыта [8].

Поэтому с 80-х гг. XX в. прежде всего под влиянием глобализации, которая по-новому ставит вопрос о человеческих ресурсах, интенсивно начинают внедряться в массовое сознание ценности гендерного равенства. Возрастает личная и общественная активность женщин, их социальная мобильность, возможности выстраивания гармоничных гендерных отношений. Глобализация активизирует женское движение, ставшее одним из важных механизмов демократизации общественных отношений на национальном и мировом уровнях. Под давлением женских движений и организаций институализируются женские и гендерные исследования в системе образования и воспитания, разрабатываются теоретические и практические стратегии с использованием научного гендерного дискурса о равенстве/неравенстве в отношениях полов, которые затем стихийно и/или целенаправленно транслируются по всему миру. Поскольку дискурс представляя собой некую речь, «погружённую в жизнь», устанавливающую пределы того, что имеет и не имеет значение, всегда производящий практический эффект, а, следовательно, регулирующий и контролирующий поведение индивидов, постольку внедрение дискурсов гендерного равенства/партнерства стало одним из инструментов трансформации социальных отношений полов [2]. Дискурс (и гендерный дискурс в том числе) – это то, ради чего сражаются, и то, чем сражаются [7]. Изменение дискурса изменяет субъекта как носителя массового и теоретического сознания и влияет на трансформацию гендерных отношений.

Развитие информационных технологий и средств коммуникации многократно интенсифицируя проникновение ценностей гендерного равенства по всему миру наряду с позитивными изменениями гендерных отношений интенсифицируют и его негативные проявления в результате чего процесс носит противоречивый характер. Негативные тенденции связаны, прежде всего, с распространением ценностей гендерного равенства преимущественно с Запада на Восток и поэтому часто воспринимаются как одно из проявлений вестернизации. Но новая система ценностей становится жизнеспособной, когда опирается на ценности определенной культуры. В противном случае не получив социальной поддержки не приживается. Во-вторых, «противоречивость гендерного дискурса и переход от пола к «поли-» (пол как «маскарад» практик) в духе постструктуралистских теорий приводит к тому, что гендер в общественном сознании предстает как

некий обезличенный, усредненный, искусственный вариант, или вовсе как некая «ненормальность» и патология [5]. По мнению Л. Н. Надолинской, социальной науке необходимо преодолеть классическую фрагментарность и константность в определении мужского и женского, преодолеть смешение в характеристиках полов неклассической науки, попытаться найти выход из сложившейся ситуации в гендерных отношениях, которая отражается в постнеклассической науке через осмысление причин гендерной дисгармонии, проблем в половой идентификации, социализации, межличностных, социально-экономических и других отношениях [4, с. 5].

В-третьих, в борьбе за гендерное равенство происходит разрушение семьи как социального института, легализуются однополые браки и усыновление ими детей. Как замечает один из журналистов: «...оказалось, что женщин просто использовали, чтобы под гендерный зонтик тихо всунуть всех представителей ЛГБТ-сообщества. ... равенства им оказалось нужно даже больше, чем женщинам» [3].

Кроме того, ухудшение мировой политической и социально-экономической ситуации в целом затрудняет продвижение идей гендерного равенства. Негативные факторы глобализации тормозят устранение гендерной иерархии, а в некоторых странах отрицательно воздействуют на гендерную политику на институциональном уровне.

В результате снижается потенциал трансляции ценностей гендерного равенства, что препятствует созданию гендерного диалога, равенства, партнерства, а современные формы, в которых развиваются процессы глобализации, усиливают это положение.

Однако, осознание того, что устойчивое и длительное развитие мира в условиях глобализации и информационного единства, как объективного и необратимого процесса может быть только общим, должно сильнее актуализировать мероприятия по трансляции ценностей гендерного равенства/партнерства в мире. Изменить современную гендерную дисгармонию сможет лишь формирование в отдалённом будущем принципиально нового гендерного равенства/партнерства.

Только если мужчины и женщины, занимая определенные позиции и обладая определенными статусами, будут являться партнерами они смогут трансформировать и гармонизировать социальные отношения. Только объединившись, мужчина и женщина могут дать жизнь, и главным условием для реализации их конструктивных отношений должны быть не борьба, а консенсус, диалог, партнерство [4, с. 5]. Ценности гендерного равенства/партнерства, основанные на гендерной ассиметрии должны стать альтернативой сегодняшнему противостоянию патриархатной и феминной культур. Гендерное равенство/партнерство в условиях глобализации должно стать примером достижения баланса и диалога отношений на всех уровнях.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. – М., 1998. – С. 180.
2. Грицанов А. А. Мишель Фуко. – М., 2008. – С. 122.
3. Мельников А. Многообразие полов. Зачем вводить 58 вариантов гендерной принадлежности // Аргументы и факты. – № 9. – 26/02/2014.
4. Надолинская Л. Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства: теоретические представления и реалии современной России : автореферат дис. ... доктора философ. – С. 5.
5. Постмодернистские концепции М. Фуко, Ж. Лакана, Ж. Деррида.
6. Пушкарева Н. Л. Как заставить говорить пол? (гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии) // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 32.
7. Рябов О. «Россия-Матушка»: Национализм, гендер и Война в России XX века. – Stuttgart, Hannover: Ibidem, 2007. – С. 32.
8. Ушакова Т. Ю. Проблемы гендерного равенства в условиях глобализации: Политологический анализ : автореферат дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005. – С. 1.

ПРОБЛЕМЫ КОРПОРАТИВНОГО ВНЕШНЕГО ДОЛГА РОССИИ

О. А. Короченцева

*Магистрант,
Ростовский государственный
экономический университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия*

Summary. The author of this article analyzes modern debt policy of Russia. Considered the problems of formation of corporate external debt. Also, the amount of total debt of Russia compare with the amount of accumulated reserves.

Keywords: corporate external debt; debt policy; international (gold and foreign exchange) reserves.

Многие исследователи в последнее время привлекают внимание к проблеме формирования внешнего корпоративного долга в России. Корпоративный долг оказывает важное влияние на бюджетный процесс и экономику страны в целом. Поэтому анализ данной части совокупного долга Российской Федерации является весьма актуальным в современных условиях [2, с. 97].

Совокупный внешний долг Российской Федерации на 1 января 2015 года по оценке Центрального банка России составил 599,5 млрд. долл. США (Таблица 1) [4]. Для сравнения стоит отметить, что на 1 января 2014 года объем совокупного внешнего долга России составлял 728,9 млрд. долл. США, то есть за год он сократился на 17,75 %. Проведенное исследование устанавливает взаимосвязь между сокращением совокупного долга России и сложной геополитической ситуацией в мире. После введения санкций в от-

ношении России практически полностью прекратился процесс предоставления новых иностранных кредитов российским банкам и компаниям.

Таблица 1

Совокупный внешний долг России, млрд. долл.

	01.01.2013 г.		01.01.2014 г.		01.01.2015 г. (оценка)	
	млрд. долл.	уд. вес, %	млрд. долл.	уд. вес, %	млрд. долл.	уд. вес, %
Всего	636,4	100,0	728,9	100,0	599,5	100,0
Органы государственного управления	54,4	8,5	61,7	8,5	41,5	6,9
Центральный банк	15,6	2,5	16,0	2,2	10,4	1,7
Банки	201,6	31,7	214,4	29,4	171,1	28,5
Прочие секторы	364,8	57,3	436,8	59,9	376,5	62,8

Проведенный анализ показал, что внешний корпоративный долг Российской Федерации на 1 января 2015 года равнялся 547,6 млрд. долл., что составляет 91,3 % общего объема совокупного внешнего долга России, в том числе долг банковского сектора – 171,1 млрд. долл. и остальных секторов экономики – 376,5 млрд. долл.

Данные исследования свидетельствуют, что внешний корпоративный долг до 2002 года не превышал 35 млрд. долл. (рисунок 1). В последующие периоды его объемы резко увеличивались.

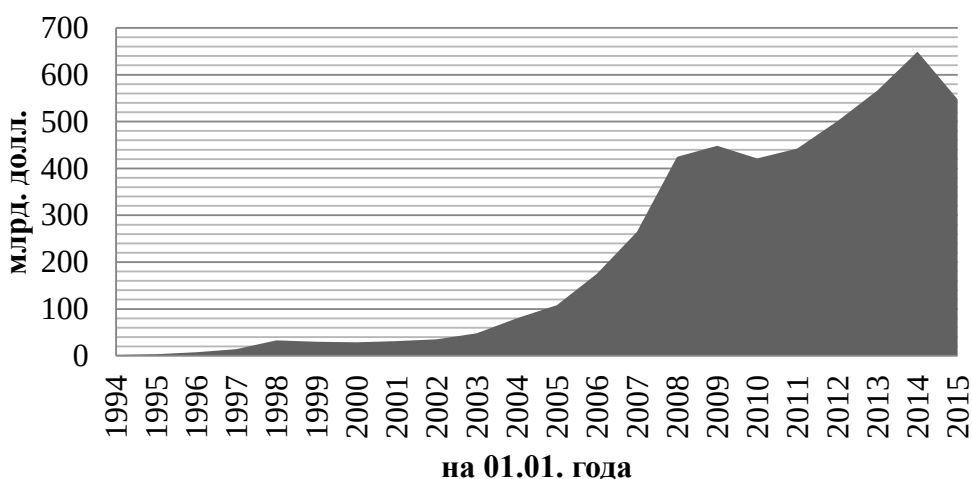

Рисунок 1 – Динамика внешнего корпоративного долга РФ, млрд. долл.

Если рассматривать непосредственно структуру совокупного внешнего долга России, то прослеживается четкая тенденция увеличения доли долгов государственного сектора в расширенном определении, который включает в себя внешнюю задолженность органов государственной власти, Центрального банка России, а так же банков и предприятий с долей государственного участия 50 и более процентов. По состоянию на 01.07.2014 г. доля внешнего долга госсектора составила 51,6 % всего внешнего долга.

Поэтому, из вышесказанного следует, что основными должниками по внешнему корпоративному долгу являются государственные предприятия и банки. Де-юре государство в лице его органов власти не несет ответственность по долгам российских предприятий и банков, однако де-факто в сложной ситуации, в период кризисов оно оказывает поддержку крупным предприятиям и банкам в выплате задолженности, что и демонстрировал нам кризис 2008 года. Государство использовало так называемую «подушку безопасности» – Резервный фонд РФ для поддержки таких крупных госкорпораций как, Сбербанк, Банк ВТБ, Газпромбанк, Роснефть, Газпром и т. д.

Многие экономисты называют долг государственных банков и предприятий «квазигосударственным» долгом, распространя часть рисков в связи с этими долгами на государство.

Чтобы объективно оценить размеры совокупного внешнего долга РФ, по нашему мнению, необходимо сравнить его с имеющимися в стране международными (золотовалютными) резервами. В середине 2008 г., в предкризисный период, когда государство в основном рассчиталось по своим долгам, а цены на нефтегазовые ресурсы были максимальными, международные (золотовалютные) резервы намного превышали совокупный внешний долг России. Внешний долг составлял примерно 470 млрд. долл. В то же время международные (золотовалютные) резервы РФ в августе 2008 г. составили 597 млрд. долл. [1, с. 3–8]. По состоянию на 01.01.2015 г. совокупный внешний долг РФ составил – 599,5 млрд. долл., а международные резервы на ту же дату – 385,5 млрд. долл. То есть резервы покрывают лишь 64,3 % общей задолженности.

Итак, резюмируя все вышеизложенное, стоит отметить, что весьма высокий уровень внешнего корпоративного долга требует принятия целого ряда мер по модификации долговой политики государства на современном этапе и снижения долгового бремени. Весьма высокий уровень внешнего корпоративного долга требует принятия оперативных мер со стороны органов государственной власти, создания действенного механизма контроля внешних корпоративных заимствований. Особое внимание следует уделить той части корпоративного долга, которую формируют госкорпорации, так как в случае финансовых проблем их задолженность рискует превратиться в государственную. Для России столь значительный объем внешнего корпоративного долга несет в себе определенные риски. Ситуация мо-

жет ухудшиться, если правительство будет вынуждено вмешаться, чтобы оказать помощь предприятиям и банкам. Это существенно может повлиять на инвестиционную привлекательность страны.

Библиографический список

1. Аганбегян А. Г. «Возрастающий корпоративный долг перед иностранными инвесторами – «петля на шее» национальной экономики» // Деньги и кредит. – 2013. – № 3. – С. 3–8.
2. Карепина О. И., Короченцева О. А. Государственный кредит и государственный долг: учебное пособие. – Азов : ООО «АзовПечать», 2014 – 152 с.
3. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. URL: <http://www.minfin.ru>.
4. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru>.

К ВОПРОСУ ОБ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ПРАВОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ»

М. Ю. Крутиков

*Аспирант,
Тульский государственный университет,
г. Тула, Россия*

Summary. This article is devoted to the methodological basis of procedure of an operationalization of the concept «legal socialization» conformably to the modern Russian context.

Keywords: law; legal socialization; operationalization.

Современное российское общество переживает сложный трансформационный период, для которого характерны глубокие изменения в социально-экономической, идеологической, политической и иных сферах. Неизбежным следствием политического реформирования стали институциональные преобразования правовой системы. Социальная трансформация в России вызвала к жизни большое количество социально-правовых проблем, связанных с дестабилизацией правовых институтов, формальным существованием правовых предписаний и негативной тенденцией возникновения внеправовой регуляции социальных процессов. В сложившейся ситуации нарушение правовых предписаний приобрело распространенный характер. Причина подобных проблем кроется в том, что правовая модернизация общества заключается не только в институционально-правовой реформе. Системный кризис трансформирующегося российского общества порождает неравномерное изменение основных элементов правовой системы.

Преобразование законодательной базы, связанное с ежегодным принятием большого количества законов, регулирующих общественные

отношения в различных сферах и устанавливающих новые виды юридической ответственности, само по себе не является гарантией правореализации. Большое значение в современных условиях приобретает процесс интернализации ценностно-правовых и нормативных установок в массовое сознание российского населения. В связи со структурными преобразованиями современного российского общества обострилось противоречие между потребностью в адаптации населения к деятельности в политико-правовой сфере и практикой правомерной реализации законодательных норм. Один из основных путей решения этой проблемы – эффективная правовая социализация.

В условиях кризиса социально-ценностного содержания правовых механизмов актуализируется изучение правовой социализации как объективного социального процесса, связанного с адаптацией индивидов к правовым ценностям. Выход из состояния социально-правового кризиса возможен лишь с развитием в обществе мотиваций уважительного отношения к закону и правопорядку, а также активизацией механизмов усвоения индивидами правовых знаний и навыков правореализации.

Таким образом, социологическое исследование феномена правовой социализации, применительно к современным российским условиям, вызвано объективной потребностью.

В отношении социализационно-правового процесса современная социологическая наука располагает обширным концептуальным аппаратом. Содержание большинства представленных отечественными учеными концепций сводится к определению правовой социализации как усвоения индивидами и общностью правовых норм и стереотипов правомерного поведения, а также формирования определенной ценностно-правовой ориентации, выражающей отношение личности к различным юридически-значимым ситуациям.

Так, по мнению А. Н. Бабенко, правовая социализация представляет собой процесс признания интериоризации, ассимиляции в своем сознании правовых ценностей и иных представлений и знаний о праве своего общества с целью приобретения правосубъектности, гражданских прав и обязанностей. Это процесс, в результате которого члены общества усваивают его правовые ценности, такие как честность, порядочность, равенство, справедливость, а также установленные в нем нормы права. При этом в правовой социализации А. Н. Бабенко усматривает две особенности: первая связана со статусом права в обществе, со статусом правовых норм и ценностей по отношению к иным нормам и ценностям; вторая особенность заключается в общеобязательности правовых норм. Ценность права, по мнению ученого, проявляется в том, что знание закона позволяет каждому отстаивать свои права [2, с. 328–335].

Наиболее развернутая концепция правовой социализации в отечественной социологии права представлена в трудах В. Н. Кудрявцева и

В. П. Казимирчука. По мнению ученых, правовая социализация составляет важную часть общей социализации и означает непрерывно происходящие в течение сознательной жизни человека осознание им своей социальной роли и включение в социально-правовые отношения. Основной содержательный смысл социализации они видят в приобщении индивида к политическим и правовым нормам, ценностям, к политической и правовой культуре и к сознательной социально-активной деятельности, являющейся универсальным способом совершенствования социальной среды и одновременно формирования личности.

В. Н. Кудрявцев и В. П. Казимирчук отмечают, что правовая социализация не есть простое повторение из поколения в поколение устоявшихся мнений и шаблонов поведения. Социализация предполагает преемственность, передачу наследия. В ходе жизненного цикла или исторического развития в более общем смысле субъекты, формирующиеся под влиянием ранее сложившихся установок, могут обогащать свой опыт и изменять шкалу предпочтений. Ранее сложившиеся установки составят ту первичную матрицу, в которую будет неизменно включаться всякий новый опыт. При этом правовую социализацию нельзя понимать как процесс наращивания информации. При изучении процесса социализации важно познать, как происходит интериоризация знаний. С этой точки зрения простой замер уровня знаний недостаточен. Приобщение к социальным и политическим институтам и даже воздействие авторитетом может быть делом случая или сугубо индивидуального опыта. Единственно, что остается прочным, это качество самого усвоения и стабильность полученных знаний. Предложенный В. Н. Кудрявцевым и В. П. Казимирчуком подход к феномену правовой социализации подвел их к различению трех его каналов: правовая социализация посредством научения, передача опыта и «символическая» социализация.

По мнению О. А. Попандопуло, «процесс правовой социализации продолжается всю жизнь человека, он предполагает: одновременное усвоение социальных ролей и образцов правового поведения, позволяющих индивиду претендовать на занятие определенных общественных позиций и приобретение соответствующего социального статуса; овладение формами, ценностями, символами, нормами, традициями, языками и смыслами правовой культуры; приобретение собственного правового опыта и личностной идентичности; достижение статуса «взрослого» – самостоятельного и автономного деятеля, способного к принятию ответственных решений, касающихся его жизни в соответствии с предписаниями, запретами и ожиданиями общества» [9, с. 111–112].

Обобщенный взгляд на теоретические представления о сущности правовой социализации позволяет понимать данный социальный феномен как протекающий в единстве стихийной и целенаправленной форм социальный процесс усвоения (интернализации) личностью или общностью

правовых ценностей и норм, связанный с формированием стереотипа активного правомерного поведения. Правовая социализация представляет собой результат вовлеченности личности в сферу права и различных социально-правовых отношений, которые являются составным элементом социальной среды.

Изучение специфики, факторов и закономерностей правовой социализации на современном этапе общественного развития невозможно без выявления реального состояния данного процесса в условиях российского социума. Поскольку процесс правовой социализации – понятие сложное и его невозможно наблюдать непосредственно, то в связи с этим оно нуждается в процедуре операционализации.

В литературе отмечается, что «любой социальный, в том числе социализационный процесс предполагает, что в ходе его развития формируются некие параметры, с помощью которых отслеживается его эффективность и, в конечном счете, функциональность» [1, с. 41].

Протекание правовой социализации влияет на изменение правокультурных показателей, отражающих степень интегрированности индивидов в социально-правовую сферу общества. Это показатели, которые связаны с реализацией населением своей функции в качестве субъекта правовых отношений. Индивидуальная или групповая правовая социализированность тем выше, чем более выражено положительное отношение к социально-правовым институтам как необходимым регуляторам общественной стабильности. Кроме того, уровень правовой социализации связан с конкретными действиями индивидов в определенных сферах правовой действительности. Указанные действия могут характеризоваться как частотой их проявления (на оси «активно-пассивно»), так и степенью их соответствия правовым предписаниям (на оси «правомерно-противоправно»). Также нельзя не учитывать в этом ряду знание и понимание населением нормативно-правовых требований, предъявляемых государством, которое обеспечивает их реализацию деятельностью правоохранительной системы.

Осознание возможности и перспективы развития в России гражданского общества не мыслимо без анализа правовой активности, которая в правовом государстве характеризует участие людей в реализации правовых норм. Уровень правовой активности является показателем степени правовой социализированности населения. С целью изучения состояния правовой активности россиян в качестве соответствующих эмпирических индикаторов могут быть выбраны ситуации, предполагающие участие граждан в государственной и общественной деятельности. У респондентов, к примеру, может быть выяснен уровень активности при участии: в выборах и референдумах; в работе органов местного самоуправления; в мероприятиях по охране общественного порядка; в судебном процессе в качестве присяжного заседателя, а также в иных случаях.

Другим показателем правовой социализации современного российского населения является правовое поведение граждан. Междисциплинарный характер указанного понятия влечет сложность его единообразной трактовки. За основу можно взять определение, выработанное В. Н. Кудрявцевым и В. П. Казимирчуком, которые полагают, что правовое поведение – это социально значимое поведение социальных субъектов, предусмотренное правовыми нормами и влекущее юридические последствия. В структуре правового поведения Г. К. Варданынц предлагает выделять следующие элементы: правовую установку, правовые интеракции и юридические последствия последних. Объективной стороной правового поведения являются конкретные правовые действия (бездействие) субъекта, включая способы, методы, достижения, результаты, – правовые интеракции и их последствия. В состав субъективной стороны правового поведения включаются мотивы правового поведения, цели и степень их осознания, характер отношения к ним [4, с. 40–41].

Важным отличительным признаком правового поведения является его четкая юридическая регламентация. Это означает, что субъективные и объективные особенности поведенческой направленности индивида ограничены рамками действия определенного нормативно-правового акта (закона, постановления, инструкции и др.) и в связи с этим подвержены контролю со стороны правоохранительной системы государства.

Другим отличительным признаком правового поведения является психологический (субъективный) признак, связанный с действием воли и сознания индивида по контролю его поведения в условиях возникновения определенных правоотношений с иными субъектами правового регулирования. Это тоже очень важный признак, поскольку право в состоянии стимулировать общественно-полезное поведение и предупреждать общественно вредное.

В правовом поведении выделяют его разновидности: правомерное и противоправное. Правомерное поведение согласуется с действующими правовыми нормами. Противоправное (неправомерное) принятым нормам права противоречит.

Для реализации правомерного поведения очень важно формирование правовых навыков (привычного правового поведения), в условиях реализации которых правомерные действия индивида в силу многократного их повторения переходят в привычку, т. е. приобретают характер стереотипной, внутренне устойчивой потребности индивида. Степень развитости и распространенности навыков правомерного поведения является показателем уровня сформированности правовой культуры конкретного общества.

Таким образом, правовое поведение является целью и результатом правовой социализации личности.

В качестве эмпирических индикаторов правового поведения, реализуемого в современных российских условиях, могут быть выбраны мо-

дельные ситуации, предполагающие реализацию гражданами правомерной либо противоправной мотивации. У респондентов, в частности, может быть выяснен характер их поведения в различных ситуациях, предполагающих правомерный либо противоправный исход (например, «перейдете ли Вы проезжую часть автодороги на красный сигнал светофора, если в зоне видимости отсутствуют движущиеся транспортные средства?»). Указанные ситуации могут находиться в сфере действия норм различных отраслей права.

В основе правовой активности и правового поведения личности как явлений общественно-правовой действительности лежит сформированная система правовых ценностей, представляющая собой внешнее выражение данных явлений, их движущую силу. В качестве производного понятия, обеспечивающего возможность эмпирического познания ценности, выступает ценностная ориентация. В социологических исследованиях по ценностной проблематике справедливо отмечается, что ценности как элементы личностной структуры проявляют себя в качестве фундаментального мотивирующего источника поведения индивида [13, с. 44].

В типологическом смысле принято выделять традиционные ценности как «разновидности ценностей, в которых отселектирован, передан и воспринят от человека к человеку, от поколения к поколению исторический социальный опыт, аккумулирующий в виде образцов, норм, принципов представления о лучшем, авторитетном в культуре» [10, с. 95]. Традиционные ценности производны от культуры конкретного общества, его национально-этнических особенностей. Они призваны сохранить исторически сложившиеся национальную самобытность и социальную идентичность.

Другим ценностно-типологическим элементом являются популярные в социологических исследованиях базовые ценности, к которым относятся «конечные, целевые (и потому более обобщенные, абстрактные) ценности человека, на основе которых формируется все множество инструментальных (оперативных, текущих, ситуативных) ценностей, в большей степени определяющих конкретное содержание его активности» [11, с. 9]. В базовых ценностях, таким образом, выделяют терминальную и инструментальную составляющие. Отечественный ученый Н. И. Лапин понимает базовые ценности как обобщенные цели и средства их достижения, выполняющие роль фундаментальных норм деятельности людей и образующие смысловое основание норм повседневного поведения [7, с. 82].

По мнению А. Н. Бабенко, мир права представляется миром ценностей, который индивид в меру своих возможностей познает и осваивает. Ценностная ориентация направляет человека в море правовых фактов и инициирует его познавательную деятельность в праве. Ученый полагает, что правовые ценности – это переживаемые людьми и определяемые культурой формы позитивного отношения к правовой системе общества, которые обуславливают выбор поведения соответствующий этой системе, а

также юридическую оценку событий [2, с. 25–26, 48–49]. Если говорить о предметном содержании правовых ценностей, то в теории права к ним принято относить конкретные социально-правовые явления, правовые средства и механизмы. Их составляют: конкретное выражение собственной ценности права в практической жизни людей—безопасность человека в конфликтных ситуациях, определенность и гарантированность прав, обеспечение истины, правды при решении юридических вопросов; фундаментальные прирожденные права человека, основополагающие демократические правовые принципы; особые правовые средства и юридические механизмы, обеспечивающие ценность права, гарантированность прав, институты, выражающие оптимальное соотношение нормативного и индивидуального регулирования, и т. д.

Право как социально-политическое явление обладает специфической ценностью. Указанное свойство права связано в первую очередь с его нормативным характером, со способностью права приносить упорядоченность в общественное развитие. В литературе отмечается, что важность выявления ценностей при исследовании правовой сферы обусловлено тем, что ценности и идеалы обеспечивают интеграцию общества, помогают индивиду осуществлять одобряемый обществом выбор соответствующего поведения в жизненно значимых ситуациях. Специфика правовых ценностей связана, таким образом, с особой ролью правовых норм в обществе [6, с. 10–11].

Но, не смотря на то обстоятельство, что правовая сфера является носителем важнейшей социальной ценности, ее реализация в общественных отношениях требует включения специфического механизма, направленного на интернализацию правовых ценностей субъектами правоотношений. В качестве универсального механизма усвоения ценностей права признается правовая социализация как объективный социальный процесс, представляющий собой специфическое усвоение индивидом норм и ценностей политической и правовой культуры в целом, окружающей его социальной среды посредством воспитания, изменения в развитии его деятельности и общественных отношений [8, с. 10–16]. В. П. Воробьев, исследуя ценностные основания социализации в современном обществе, делает вывод, исключительно важный для понимания механизмов социализации в рационально-правовом обществе: ориентация на целерациональное поведение означает выделение ценности в качестве ключевого феномена культуры и выделение ценностной трансляции в качестве главного, исходного процесса социализации. Ученый полагает, что «акцентирование внимания на ценностных аспектах социальной жизни необходимо не только для точного описания процессов социализации, но и для адекватного уяснения значения данных процессов в ходе воспроизводства и развития культуры социума» [5, с. 39–40].

Для эмпирического изучения ценностно-правовой ориентации российского населения необходимо определиться с конкретным содержанием

правовых ценностей, господствующих в российском обществе. В исследованиях правовой культуры в систему правовых ценностей принято включать такие элементы, как правосознание, правовая наука, законодательство, правопорядок, правовая деятельность. Правовые ценности (права человека, идея конституции, идея юридической определенности личности и др.) вырабатываются самим обществом и в процессе их выработки проявляется эволюция правовой культуры.

Для эмпирического исследования могут быть использованы различные правовые ценности, которые составляют основу и смысл отраслевого российского законодательства, регулирующего общественные отношения в самых различных сферах. К ним могут быть отнесены базовые правовые ценности (закон, демократия, ответственность, порядок, право, правовое государство, равенство, разделение властей, свобода, справедливость), либо конституционно-правовые ценности (в виде основных конституционных прав и свобод). При этом изучение ценностно-правовой компоненты современного российского общества можно предпринимать как с позиции отражения в массовом сознании смыслового ценностно-правового содержания, так и с позиции оценки степени их важности с использованием ранговой шкалы («очень важно» – «безразлично» – «неважно»).

Одним из элементов правовой культуры общества является правосознание его членов, которое основывается на усвоенных, ставших частью сознания правовых знаниях. Очевидно, что источником правовых знаний становится правовая информированность, реализуемая как социальный процесс. По мнению Н. Я. Соколова, «правовые знания составляют интеллектуальный компонент правосознания, основу его познавательной функции. Без глубокого знания права невозможна правильная оценка правовых явлений, формирование установок, ориентации в поведении личности» [12, с. 39]. Правовая информированность представляет собой результат осознанного восприятия сознанием человека правовой информации, которую в литературе определяют как «разновидность социальной информации общества, охватывающая все ценности, которые созданы людьми в области права, составляющие их правовую культуру в реальном ее функционировании, а также динамичном процессе формирования социально-правовой памяти общества по накоплению, систематизации, хранению, передаче и использованию (знаний, умений, навыков, оценок, понятий и т. п.) во всех областях юридической практики» [3, с. 37].

Подавляющее большинство российского населения испытывает острую необходимость в получении правовой информации. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что в современных условиях постоянно изменяющегося (реформирующегося) законодательства, отсутствия устойчивой практики, в том числе и судебной, применения отдельных законодательных норм, а также в условиях ежегодного принятия большого количе-

ства федеральных и региональных нормативно-правовых актов личность теряет ориентацию в правовой сфере.

Необходимым условием адекватного восприятия правовой информации (правовых знаний) является высокий уровень правосознания населения, который предполагает уважительное отношение к праву и закону, а также достаточную степень доверия государственно-правовым институтам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для понятия «правовая социализация» можно выделить следующие параметры операционализации: 1) правовая активность; 2) образцы (стереотипы) правового поведения; 3) ценностно-правовая ориентация; 4) правовая информированность; 5) развитость правового сознания; 6) лояльность в отношении правоохранительной системы.

Перечисленные параметры поддаются эмпирической фиксации путем перевода в соответствующие индикаторы и их изменение пропорционально динамике правосоциализационного процесса.

Разработанная в результате процедуры операционализации теоретическая модель правосоциализационного процесса может преобразовываться в зависимости от типа общественного развития.

Современные демократические общества с развитой системой правового информирования отличаются повышенным уровнем внешней правовой активности населения, основанной на ценностно-правовой составляющей массового сознания, влекущей формирование стереотипного правомерного поведения в широких институционально-правовых областях. Правоохранительная система в таких обществах подчинена требованиям законодательства, в рамках которого контролируется со стороны основных институтов гражданского общества. Население лояльно в отношении государственно-властных структур лишь в той мере, в которой они способны обеспечить свободу и неприкосновенность. Для указанных обществ характерен *информационно-аксиологический тип* правовой социализации.

В трансформирующихся обществах (обществах переходного типа) ценностно-правовая сфера личности имеет значительный разрыв с существующей правовой системой, в связи с чем, нарастает дефицит в получении профессиональной правовой информации и развитии надлежащего правового мышления у населения. В этих условиях сохраняется многосторонняя зависимость населения и личности от государства и его властных структур, что обуславливает формирование декларативного статуса права как социального регулятора, а также незначительную правовую активность населения при нереализованности большинства важных общественно-политических правовых норм. В трансформирующихся обществах реализуется *патерналистский тип* правовой социализации.

Тоталитарные общества отличает разветвленное, имеющее проникновение, практически, во все стороны социальной жизни подчинение населения государству. При этом отсутствуют юридические условия для фор-

мирования высокой степени правовой активности населения. Правосоциализационный процесс направлен в таких обществах на воспроизводство лояльного отношения к существующей правоохранительной системе и действующим в усеченном виде правовым институтам. Для тоталитарных обществ характерен *конформистский тип* правовой социализации.

Библиографический список

1. Бабаскина В. В. Институциональные основы и социальные механизмы управления правовой социализацией в России : дисс.... канд. социол. наук. – Пятигорск, 2010.
2. Бабенко А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью : дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2002.
3. Боер В. М. Информационно-правовая политика государства. – СПб. : ГУАП., 1998.
4. Варданыц Г. К. Социальный генезис права: гештальтсоциологический анализ : автореф. дис. ... докт. социол. наук. – М., 2008.
5. Воробьев В. П. Социализация в переходном обществе: теоретическое моделирование и социокультурный контекст : дисс. ... докт. социол. наук. – Пенза, 2001.
6. Копкарева С. И. Особенности формирования правовых ценностей студенческой молодежи: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2008.
7. Лапин Н. И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Социологические исследования. – 2003. – № 6.
8. Плаксин Д. В. Правовая социализация в условиях противоречий развития институтов права : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Майкоп, 2007.
9. Попандопуло О. А. Проблема правовой социализации человека: опыт социально-философского анализа // Вестник ВолГУ. – 2012. – Серия 7. Филос., № 2 (17).
10. Рассадина Т. А. Трансформации традиционных ценностей россиян в постперестроенный период // Социологические исследования. – 2006. – № 9.
11. Руднев М. Г. Базовые ценности населения: сравнение россиян с жителями других европейских стран : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2009.
12. Соколов Н. Я. Правовая информированность общества: сущность и содержание // Советское государство и право. – 1981. – № 11.
13. Труфанов Д. О. Теоретико-методологические принципы постнеклассической социологии в исследовании ценностных ориентаций личности : дисс.... канд. социол. наук. – Красноярск, 2006.

ПОНЯТИЯ «КУЛЬТУРА» И «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ ОСВАЛЬДА ШПЕНГЛЕРА

Р. Ю. Рахматуллин

*Доктор философских наук, профессор,
Бакирский государственный аграрный
университет, г. Уфа,
Республика Башкортостан, Россия*

Summary. In the teaching of O. Spengler, the term «culture» refers to the type of society. «Civilization» means old age culture. He denies the existence of a common history. There is only the history of individual crops.

Keywords: history; culture; civilization; the spirit of culture.

Имя О. Шпенглера известно в методологии истории как одного из главных авторов концепции многолинейной модели развития общества. Важным понятием его учения является «культура», которым он обозначает тип, вид общества. Мы уже писали, что это понятие он использовал под влиянием идей Н. Я. Данилевского, рассматривавшего историю как возникновение и исчезновение не связанных между собой, культурно-исторических типов, которых он иногда называл цивилизациями [4, с. 68]. Как писал Данилевский, «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа... Не видно, чтобы у какого-либо народа неегипетского происхождения принялась египетская культура... Евреи не передали своей культуры ни одному из окружающих или одновременно живших с ними народов» [2, с. 91].

Важнейшей темой, объединяющей учения О. Шпенглера и Н. Я. Данилевского, является идея отсутствия единой истории общества, ибо «человечество» – пустое слово... Вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории... я вижу феномен множества мощных культур... Есть расцветающие и стареющие культуры, ... но нет стареющего человечества... Во всемирной истории я вижу картину вечного образования и изменения, чудесного становления и умирания органических форм. А присяжный историк видит в ней подобие какого-то ленточного червя, неутомимо наращивающего эпоху за эпохой», – пишет Шпенглер [5, с. 56–57]. Он не видит смысла в периодизации истории по схеме «Древний мир → Средние века → Новое время», ибо эти этапы развития имеются у каждой культуры, правда, в каждой они проявляются по-своему. Он критикует Гегеля и Канта за попытку создания универсальной концепции истории, где за точку отсчета принимаются идеалы и нормы западноевропейской культуры. В этом случае получается, что все человечество движется от отсталых форм (Гегель к ним относил восточные культуры) к развитым (обществу типа Прусской монархии). Как пишет Шпенглер, то, что называют мировой историей, есть, по сути, совокуп-

ность историй восьми «высших» автономных культур: 1) египетской, 2) индийской, 3) китайской, 4) вавилонской, 5) античной, 6) арабской, 7) майи, 8) западноевропейской [5, с. 96–105].

Свою концепцию многолинейности истории Шпенглер обосновывает феноменом «непрозрачности» культур-монад друг для друга. В соответствии с этой концепцией получается, что коренной индеец никогда не сможет понять арабскую культуру, а араб – индийскую культуру. Почему же? Это вытекает из идеи о самобытной души (духа) культуры, позаимствованной Шпенглером из немецкой философии жизни. Следуя этой философии, Шпенглер развивает идею, согласно которой в основе появления определенной культуры как социума, лежит особый энергетический импульс, имеющий только ему присущую специфику. Это энергетическое начало он и называл душой культуры. Получается, что культура представляет собой разворачивание во времени того, что содержится в этой душе как семени. Заметим, что идея «души культуры» сильно повлияла на появление пассионарной теории этногенеза Льва Гумилева [1]. Если и существует что-то объединяющее многообразные культуры, то это присутствие у них единого цикла жизни, присущего для всех живых существ: рождение, взросление, старение, кончина. Время старости культуры Шпенглер именовал цивилизацией. Он считал, что жизнь на этом этапе превращается в функционирование, лишённое креативного начала. Место художника-творца в это время занимает «технар», который только количественно увеличивает то, что было сотворено духом культуры. Если и следует говорить о развитии культуры этого периода, то это развитие вширь, а не вверх. «Исчерпав свои возможности в языке, верованиях, искусстве, государстве и прочих формах, душа умирает, возвращается в первоначальное состояние. Культура исчезает с поверхности океана, и он вновь стихает, томимый ожиданием буйства стихии», – так образно выразил идею Шпенглера о гибели цивилизации А. Г. Кутлунин [3, с. 85].

Симптомы заката, умирания культуры, писал Шпенглер, очевидны уже в Европе XX века, которая словно повторяет путь распада Римской империи. Но эту закономерность не следует воспринимать как катастрофу. Скорее всего, для характеристики этой стадии жизни культуры подойдет понятие «завершение», поясняет он [6, с. 171].

Библиографический список

1. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М. : АСТ, Астрель, 2005.
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. – М. : Книга, 1991.
3. Кутлунин А. Г. Критика исторического метода О. Шпенглера // Философские науки. – 1987. – № 1.
4. Рахматуллин Р. Ю. Основы социальной философии. – Уфа : Уфим. высш. школа МВД России, 1996.

5. Шпенглер О. Закат Европы. – Новосибирск : ВО Сибирская издательская фирма, 1993.
6. Шпенглер О. Пессимизм ли это? // Новые идеи в философии – М. : Наука, 1991.

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ ПО Т. ПАРСОНСУ

И. Н. Свириденко

*Кандидат философских наук, доцент,
Оренбургский государственный аграрный
университет, г. Оренбург, Россия*

Summary. The article reveals the basic tenets of the theory of social action T. Parsons. In particular, focuses on the model of social action, the conditions of maintaining the equilibrium of the system, the main features of social action, the types of social action.

Keywords: social action; actor; teleology; the subject system.

Одно из первых определений понятию «социальное действие» дал М. Вебер. Согласно его позиции, социальное действие представляет собой «действие, которое по своему смыслу, предполагаемому действующим или действующими, соотнесено с поведением других и ориентировано на него в своем протекании» [1, с. 72].

Уточнение и развитие данного подхода было осуществлено в работах Т. Парсонса. Для него модель социального действия становится ключом к пониманию социальной системы.

В модель социального действия Парсонса включаются следующие элементы:

1. Субъект действия, «деятель» или «актор»;
2. Цель или представление о будущем социальном порядке в рамках конкретной ситуации;
3. Ситуация, направление развития которой в одном или нескольких отношениях, кардинально отличается от того положения вещей, на которое ориентировано действие, т.е. от цели. Эта ситуация может анализироваться с помощью 2 типов элементов: тех, которые субъект действия не может проконтролировать, т.е. тех, которые он не может изменить, или тех, изменение которых он не может предотвратить, – с одной стороны, и тех, которые он не может контролировать, – с другой. Для первых можно использовать термин «условия» действия, для вторых – «средства».
4. Альтернативные средства достижения цели. В этом выборе, в той мере, в какой ситуация представляет такие альтернативы, существует «нормативная ориентация» действия [2, с. 94].

Парсонс утверждает, что каждая система имеет свой порядок с тенденцией к самосохранению. Эта тенденция в конечном счете определяется социальным равновесием. Для поддержания равновесия, для осуществле-

ния действий в соответствии с нормами Парсонс устанавливает следующие условия:

1. Приспособление к внешним условиям (удовлетворение минимальных потребностей индивидов с тем, чтобы они смогли принять участие в системе действий);

2. Достижение цели (действие рассматривается как целенаправленная деятельность, которая совершается в условиях множественности индивидуальных носителей действия и включает в себя исполнение ролей);

3. Интеграция (решающим является действие в соответствии с ожидаемыми ролями и с направленностью на внутреннее, замкнутое равновесие системы);

4. Сохранение норм поведения и урегулирование конфликтов (под этим понимается культурная система, зависящая от упорядоченного взаимодействия нормативно-ориентированного поведения).

У Парсонса в истолковании социального действия интерес концентрируется не на выявлении определяющих факторов деятельности классов, масс и т.д., а на обсуждении проблемы психологической природы человека, проблемы мотивации. Он считает, что главным предметом социологического анализа является институциональный аспект социального действия. Для Парсонса социальное действие в своем элементарном и первичном проявлении предстает в виде психологического отношения (интеракция) между «эго» и «альтер».

В основе теории Парсонса лежат 6 постулатов:

1. Действие (акция) является целенаправленным;
2. Оно происходит в ситуации и ориентируется на нее;
3. Поведение как деятельность нормативно регулируется и подчинено социальным нормам;
4. Поведение мотивационно обусловлено;
5. Всякое действие есть акция действующего;
6. Действия выступают в системах.

В более развернутом виде социальное действие в учении Парсонса характеризуется совокупностью следующих черт:

1. Действие субъективно, т. е. оно касается внутреннего духовного процесса и имеет предметом феномены, вещи и события, как они представляются с точки зрения действующего актора;

2. Действие объективно, поскольку оно осуществляется в системах;

3. Действие имеет временное измерение (представляет процесс достижения и реализации цели);

4. Действие ситуативно;

5. Действие рационально;

6. Действие нерационально;

7. Действие селективно (оно есть решение и выбор между альтернативами);

8. Действие телеологично;

9. Действие нормативно;
10. Действие мотивационно;
11. Действие нормативно;
12. Действие системно.

Парсонс выделяет три типа социального действия: а) интеллектуальное (когда в действии отдается предпочтение когнитивным интересам и ценностям); б) экспрессивное (когда преобладают катектические интересы и эмоционально-катетические ценностные ориентации); в) ответственное или моральное (когда превалируют аксиологические интересы и моральные ценности).

Производное по отношению к данным трем действиям – инструментальное действие. Это такое действие, которое имеет целевую направленность и преимущественно ориентировано на когнитивные критерии достижения цели.

Модель, предложенная Парсонсом, предполагает поддержание равновесия системы с помощью адаптивных механизмов. Одним из ключевых понятий модели является «социальный порядок». Идея состоит в том, чтобы определить условия, при которых порядок стремится к самоподдержанию. Процесс взаимодействия обеспечивает циклический или ритмический характер изменения в обществе, но не допускает критических структурных изменений. Противоречивость состояния системы состоит в том, что установленное равновесие стремится к автоматическому режиму и может существовать как угодно долго. С другой стороны, социальная система рассматривается Парсонсом как «открытая» система, а в таком случае источники социальных изменений находятся вне системы, что приводит к изменениям в системе.

Основные мотивы человеческого поведения это реакции человека на ожидания и оценки окружающих его людей. Критерием оценок и ожиданий являются «образцы поведения», «стандарты, одобренные группой». Относительно постоянная структура социальных образцов, ролей определяется как институт.

Институты закрепляют существующие «социальные роли» относительно постоянными, придают им прочность традиции.

Для поддержания гомеостатического равновесия необходимы эволюционные универсалии. К ним Парсонс причисляет законы инерции, действия и усилия. В данном отношении можно сказать, что Парсонс продолжает поддерживать мысль О. Конта утверждавшего, что три закона движения Ньютона применимы к социальным явлениям. Но в таком случае общество рассматривается как механическая система. В качестве биологического аналога социальной системы Парсонс вводит четвертый принцип – принцип интеграции системы. Любой элемент в системе стремится утвердиться на своем месте внутри ее с помощью своей функции. Таким образом, социальная система, организованная в соответствии с принципом

биологической «кооперации», функционирует, подчиняясь механическим законам.

Парсонс настаивает на различении структурных и функциональных категорий. Структурные категории, по его мнению, позволяют понять общество в равновесном состоянии, а функциональные – в динамическом.

В качестве структурных категорий он выделяет систему ценностей, социальные общности и роли.

Функциональные категории детализируют понимание общества. Парсонс выделяет следующие функции – самосохранение, интеграции, достижения целей и адаптации. Решение этих функций – проблем, обеспечивают подсистемы.

Парсонс и его последователи проанализировали социальную систему с точки зрения функциональных требований, выполнение которых необходимо для ее нормальной жизнедеятельности. Но попытка построения общесоциологической теории на базе лишь функционального метода оказалась бесперспективной. Вместо теории была выработана лишь концептуальная схема.

Чтобы выйти из методологического тупика Парсонс предпринимает попытку разработать универсальную схему социокультурной эволюции. Согласно его представлениям, «структурная дифференциация» есть процесс расщепления структурных компонентов системы, который является следствием нарушения состояния равновесия, вызванного внешними или внутренними факторами. Это нарушение равновесия ведет к постепенной реорганизации системы в целом, но под влиянием интегративных процессов она приходит к новому устойчивому состоянию.

Критика показала, что коррективы, внесенные Парсонсом в понятие «равновесие» как процесса внутренней дифференциации системы и ее развития во времени, также страдают односторонностью. В таком случае равновесие в обществе достигается за счет более или менее общих норм и ценностей.

Теория социального действия Парсонса, и он сам это отмечает, телеологична, т. е. субъект действия четко себе представляет состояние ситуации после осуществления действия. Такой подход указывает на специфичное и практически неизменное состояние социальной системы – субъект действия уверен в своих решениях. Более того, всякая неуверенность несет в себе потенциал разрушения равновесия и согласования связи с системой. Таким образом, существенным ограничением теории социального действия Парсонса выступает предположение о предсказуемости состояния социальной системы. Субъект действия, по сути, уверен в будущем, и эта уверенность проистекает из качественной и однозначной определенности социальной системы.

Основанием для этого выступают ожидания, которые рассматриваются Парсонсом в качестве пассивных схем реагирования на ситуацию.

Такое отношение представляется весьма узким. Дело в том, что основанием существования социального порядка является уверенность этого агента в существовании этого порядка. Вместе с тем, это состояние уверенности должно быть дополнено не менее важным замечанием – одной уверенности недостаточно. Такая уверенность может выступать фоном, обеспечивающим относительную иллюзию стабильности и контролируемости ситуации со стороны действующего субъекта. Но такая уверенность является иллюзией, а потому не может рассматриваться в качестве адекватной основы для эффективного социального действия. На основе ожиданий возможно определение целей и средств развертывания социального действия, а также решение по поводу ситуации и объектов действия. Таким образом, ожидания рассматриваются скорее как безусловное основание возможности социального действия.

Правильность принимаемых решений в такой ситуации понимается с точки зрения согласованности целей актора и нормативно-ценностной системы, цементирующей социальную систему.

Социальное действие всегда развертывается в единой системе координат, которая, по сути, представляет собой пространственную конфигурацию нормативно-ценностной системы, поддерживающей, обеспечивающей и регулирующей систему, на основании которой выстраивается социальное действие.

Парсонс был убежден, что важнейшее значение в человеческом действии имеют «нормативные факторы», аналитически независимые и от обычных экономических интересов, и от интересов политической власти. Парсонс перенимает у Э. Дюркгейма идею нормативного контроля, внутренне усвоенного (интернализированного) «морального долга», трактовка моральных норм и других институтов секулярного общества по образцу религиозной жизни, как наделенных духовной силой и священным авторитетом просто непостижимой давностью своего социального происхождения, длительностью традиции. Этот акцент в дальнейших построениях Парсонса был так силен, что зачастую у него больше ничего не видели и обвиняли в чисто нормативистском подходе к социальному действию, не оставляющем места самостоятельному выбору и идее ответственности. Такой нормативизм классически представлен у О.Конта в концепции «всеобщего согласия», своеобразного «морально-политического единства» людей относительно ценностей, норм и целей во всякой «здоровой» социальной общности. Здесь проигнорированы принципиальные различия между функционированием микропорядков (семьи, общины и т.п.) и макропорядков вплоть до общества как целого.

Нормативизм Парсонса гораздо сложнее по замыслу и подразумевает не единство конкретных совместных целей, а напротив – их разнообразие в условиях саморазвивающегося «нормативного порядка», предполагающего взаимосвязь и иерархию целей. Но, несмотря на постоянные передвижки в

этой иерархии, она все же относительно стабильна (отражая долговременные ценности конкретного общества) и ограничивает произвол выбора целей в большинстве социальных действий. Людей, даже если они мнят себя абсолютно свободными и независимыми, всегда связывает «нормативное символическое взаимопроникновение», основанное на осознанном или бессознательном усвоении каких-то общих символов, обязательно входящих в определенное множество культурных традиций, организованных в неслучайном порядке, но центральная роль «нормативной интернализации», внутреннего усвоения, в первую очередь норм морали, устанавливающих границы дозволенного в индивидуальных действиях, «ни в малейшей степени не отрицает важной роли ситуативных... ненормативных элементов». То есть в парсоновской системе индивидуальное выражение свободной воли мыслится опосредованным нормативным символизмом – силой социальной, но совсем другой природы, чем материальное принуждение. Роль ограничителя человеческой свободы исполняют те самые субъективные элементы, которые интернализированы индивидом и тем обеспечивают ему и связь с обществом, и относительную внутреннюю автономию от материальных ситуативных ограничений.

«Конкретного индивида», т.е. живое лицо, можно, конечно, трактовать в некотором условном смысле как свободно и автономно принимающего решения. Но такой взгляд будет поверхностно эмпирическим. Если же на этого индивида посмотреть «аналитически», с точки зрения «аналитического реализма», то станет ясно, что он есть поле пересечения различных социальных сил, из которых особенно важны символические нормативные элементы. Поскольку эти элементы интернализированы индивидом, постольку они неосвязаемы в эмпирическом смысле. По видимости «дискретный» и «автономный», индивид на деле «взаимопроницаем» с другими благодаря общим символическим нормам, «общим кодексам», по Дюркгейму, которые логически предшествуют любым «социальным контрактам, между «свободными» индивидами. В этой связи Парсонс предпочитает говорить об «институте договора» и о «недоговорном элементе в договоре». То, что кажется совершенно свободной деятельностью или свободно выбранными отношениями, зависит от применения действующими внутренними нормативными стандартами культурного происхождения, от высших ценностей культуры. Последующее восхождение от «аналитического индивида» к «конкретному индивиду» помогает глубже понять действия последнего.

Парсонс указывал на необходимость рассмотрения личности как «дескриптивную систему координат, в соответствии с которой описываются факты человеческого действия» [2, с. 291]. С другой стороны, он учитывал фактор телесности и реальность единства социо-био-психических структур в человеке. Направляют действия, по мысли Парсонса, мотивационные компоненты, которые носят строго индивидуальный характер. Сам

по себе мотив имеет прямое отношение к осмысленности как фундаменту социального действия (образца М. Вебера). Вместе с тем, мотивация определяется Парсонсом как энергия действия, основанием которой выступает физиология действующего субъекта. Именно этот аспект социального действия остается непознаваемым принципиально – в нем реализована индивидуальность субъекта. Парсонс в свое время игнорировал возможность и необходимость включения индивидуальности в поле социологического анализа.

Таким образом, Т.Парсонс создает описательную модель индивидуального действия, служащую отправной точкой для создания целостной концепции общества, понимаемого как система. Общество у Парсонса становится институализированным действием, «застывшими» человеческими поступками. От анализа взаимодействия и личного выбора Парсонс переходит к способам, которыми социальные системы (совокупность «образцов поведения», социальных ролей) ограничивают и детерминируют этот выбор, формируя социальную структуру общества, его функциональный срез. Иными словами: социальная структура не отделима и неотличима от действия, что приводит к приписыванию обществу личностных качеств: необходимости удовлетворения потребностей, целесообразности и наличию цели у общества как такового (телеологии).

Теоретические подходы, появившиеся после Парсонса, даже если они опирались на другие философские школы и направления, не могли оставить его концепцию без внимания.

Библиографический список

1. Вебер М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология в 2-х ч. / пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. – М. : Книжный дом «Университет», 2002. – ч.1.
2. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М. : Академический проспект, 2000.

СИСТЕМНАЯ ПАРАДИГМА ЭКОНОМИКИ: РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

С. В. Слива

*Кандидат экономических наук, доцент,
Южно-Уральский государственный
университет, г. Челябинск, Россия*

Summary. Different views on the evolution of the phenomenon of scientific paradigms and paradigm of economic theory, grouped according to the criterion applied methodological tools of economic research. Particular attention is paid to the analysis of the capabilities of different methodological approaches, forming and developing methodological space system paradigm economy.

Keywords: scientific paradigm; systemic paradigm of economic development; the systemic organization of the economy; the methodological approaches of economic research.

Научное познание характеризуется не только постоянным расширением круга решаемых теоретических и практических задач, но и усилением внимания к методологии науки, методам научной деятельности, способам получения новых знаний, организации их накопления и практического использования. Внимание исследователей привлекает феномен научной парадигмы. В современной литературе нет строгого, однозначного и корректного определения парадигмы.

Энциклопедическое представление о сущности парадигмы задано рамками «теории (модели постановки проблемы), принятой в качестве образца решения исследовательской задачи» [26, с. 477]. Раскрытию содержания феномена парадигмы способствует философская идея об идеальном образе вещей, внутреннем и внешнем единстве различных формообразований, системной организации всех тел. Парадигма в ряде случаев синонимично определяется как образец, тип, модель постановки проблемы и ее решения, пример, схема, устоявшийся общепринятый взгляд.

Часто цитируется трактовка Т. Куна, согласно которой парадигма представляет собой совокупность знаний, методов, образцов решений конкретных задач в рамках определенных подходов к решению научных проблем, набор ценностей научного сообщества [12, с. 28]. Принципиальным моментом исследования Т. Куна является выделение нормативной и познавательной функции парадигмы. Им установлено, что познавательная функция состоит в создании нового знания [12, с. 147, 148]. Выполнение нормативной функции заключается в формировании исследовательских установок, влияющих на выбор направления познания, способов решения исследовательских проблем, установления новых норм (методов) научного исследования.

Нормативная и познавательная функция парадигмы раскрывает эволюцию самой парадигмы. В работах И. Р. Пригожина, посвященных си-

стемной проблематике, разрабатывается и проблема эволюции научного исследования. Им точно подмечено, что «неожиданная сложность, обнаруженная в природе, привела не к замедлению прогресса науки, а наоборот, способствовала появлению новых концептуальных структур» [21, с. 42]. По мнению Л. Берталани, «во всех случаях новая парадигма действительно охватывает новые проблемы, особенно те, которые раньше отвергались» [3, с. 41]. Стоит обратить внимание и на замечание А. Уатхеда относительно опасности окостенения традиции и пагубности анархической страсти к разрушению всего старого. «Искусство прогресса состоит в умении сохранять порядок в самом изменении и сохранять изменение в недрах порядка. Необходим порядок, пронизанный новизной» [23, с. 80]. Таким образом, эволюция бытия коррелируется с эволюцией парадигмы – научного представления о нем.

По утверждению Т. Куна, понятие парадигмы часто заменяет собой ряд знакомых терминов [12, с. 29]. В частности, эквивалентным предстает определение К. Поппера – «научная революция», которое, по убеждению И. Р. Пригожина «следует считать вполне уместным и правильно отражающим существо дела» [21, с. 44]. И. Лакатосом на основе анализа методологии научного исследования было сформулировано понятие научно-исследовательской программы, которое содержательно близко к понятию парадигмы, предложенного Т. Куном. По его мнению, исследовательская программа – совокупность основных теорий, развивающихся на базе единых методологических принципов. Структуру программы составляет «жесткое ядро» – фундаментальные принципы теории, которые конструируют и сохраняют вектор исследовательской программы. Обеспечивающей подсистемой выступают теории «защитного пояса», представляющие собой вспомогательные гипотезы [13, с. 47].

Конкретизация и детализация феномена парадигмы нашли свое отражение в стиле научного мышления, который «регулирует и ориентирует научное исследование в заданном социуме и внутринаучными реалиями направления. Стиль выступает как механизм, обеспечивающий связь между целями и потребностями науки и требованиями и возможностями общества, запросами исторического времени» [7, с. 1021].

Понятием парадигмы часто выражаются методологические рамки научного исследования. Так, например, в ходе исследования функций методологии экономической науки М. Блауг отмечает, что, «нормативная методология науки призвана быть ее совестью – моральным кодексом профессии, содержащим описание допустимых методов исследования, или по крайней мере, описание идеала, к которому надо стремиться» [4, с. 26].

Парадигме как результату накопления знаний и опыта их создания имманентно свойственна внутренняя организация. Известна точка зрения А. А. Богданова об организационном характере познания и мышления. «Его функция заключается в том, чтобы координировать факты опыта в

стройные группировки – мысли и системы мыслей, т. е. теории, доктрины, науки и прочие» [6, с. 70]. Он считает объективно необходимым состояние, когда «научная форма систематизации характеризуется методичностью и логической связью в обработке и расположении материала: стремлением к последовательному применению определенных, точно обусловленных методов, к объединению того, что наиболее сходно, и разъединению того, что наиболее различно» [6, с. 85].

Феномен парадигмы не является абстрактным отвлечением в экономической науке. Парадигма в экономической науке представляет собой «нормы и образцы экономического исследования, приобретающие в экономической науке характер традиции» [19, с. 370]. В системе экономических наук экономическая теория играет роль фундамента, что обуславливает постоянное внимание ученых к исследованию парадигмы экономической мысли. Для современных исследований, посвященных эволюции экономической теории, характерно разнообразие формального аппарата обозначения феномена экономической парадигмы: от экономической парадигмы, теоретической экономической системы, школы экономической теории до революционной исторической программы экономической мысли. Однако объединяет исследования использование принципа методологического регулятивизма, используемого при выделении экономических парадигм (принципы, методы, объекты исследования).

В частности, критерий применяемых методов исследования позволяет выделить четыре экономических программы: дедуктивистское исследование Дж. С. Милля, позитивистское исследование М. Блауга, предикционистское (прогнозное) М. Фридмана, эклектическое Д. Макклоски [27, с. 35–42].

Критерий объекта классифицирует парадигмы следующим образом: мир богатства изучается в парадигме классической политической экономии; экономические институты – в историко-институционалистской парадигме; хозяйствующие субъекты – в маржиналистской парадигме; внутренне не связанные явления и процессы – в эклектической парадигме [1, с. 52–68].

Особенности основных принципов экономического исследования структурируют парадигмы на теоретические системы: либерализма (монетаризм, неоклассика); активизма (кейнсианство, историческая школа, институционализм и неоинституционализм); тоталитаризма (марксистская политэкономия) [8, с. 75, 76].

Характер коренных переворотов в экономической теории позволяет выделить пять революций в истории экономической мысли: смиторикардианскую, марксистскую, маржиналистскую, кейнсианскую, консервативно-монетаристскую [19, с. 91, 92].

Выделяют неоклассическую экономическую теорию, австрийскую школу, институционально-историческую школу, кейнсианство, марксизм и

неоинституционализм, критерием классификации которых выступает степень реализации взаимосвязи «индивид-общество» [25, с. 72].

Исследование экономики в границах неоднородности, нестабильности, многофакторности, многоуровневости, фрактальности разворачивается в «научной платформе системности» экономических теорий: институциональной, эволюционной, системной и др. [10, с. 4–28].

Условия функционирования экономики положены в основу выделения парадигмы конкурентного равновесия, которая сосредоточилась на использовании математических методов, экономических допущений, несущественности предыстории экономической системы и информационной парадигмы, ключевыми положениями которой является несовершенство раскрытия и приобретения информации [16, с. 550–554].

Разнообразие экономических парадигм необходимо, поскольку, как отмечает Дж. Стиглер в своей нобелевской лекции, «жизнеспособной и здоровой науке требуются как устойчивые и почти вечные теории, так и теории неустоявшиеся, сталкивающиеся с большими трудностями при попытках объяснить текущие события. Без фундамента, образуемого неизменными теориями, не будет и области медленно развивающегося знания, которое называется наукой» [16, с. 463].

Результативным итогом исследовательской деятельности в границах различных парадигм экономической теории стало появление множества моделей, анализирующих отдельные аспекты функционирования экономики. Акцент на частности влечет «размывание границ экономической теории, утрату такого важнейшего качества науки как системность» [18, с. 24]. Цель современной экономической теории заключается в решении теоретико-практической проблемы системной организации экономики. «Исследование взаимоотношений частей сложных ценностей выдвигается сейчас в качестве одного из ведущих начал в создании современной картины мироздания, обладающей характером универсальности» [2, с. 6]. Одновременно становится очевидно, что «системность из разряда отвлеченных понятий перешла в разряд прагматических, войдя в жизнь ... в виде реально действующих производственных, технических, коммуникационных, хозяйственных и других систем» [17, с. 7].

Исследование системной парадигмы экономики целесообразно связать с логико-методологическим анализом подходов, отражающих философию системности. Системность объекта содержательно отражена в диалектико-материалистической философии. Это обстоятельство К. Маркс обнаружил при исследовании экономических отношений капитализма. «Если в законченной буржуазной системе, – пишет К. Маркс, – каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положение есть вместе с тем и предпосылка, то это имеет место в любой экономической системе. Сама же органическая система как совокупное целое имеет свои предпо-

сылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества и создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность» [14, с. 229].

Системная парадигма экономики, предполагающая системность исследования объекта и исследование системности объекта, на наш взгляд, может методологически опираться на теории материалистического, органического и эволюционного механизмов, разработанных А. Уайтхедом. Очевидно, что «сила теории материалистического механизма состоит в утверждении, что в природу не следует вводить произвольные допущения или восполнять недостатки объяснения за счет дополнительных допущений» [23, с. 131]. Теория органического механизма постулирует отношение: изменение бытия отдельного объекта должно происходить в соответствии с изменениями, происходящими в большой структуре [23, с. 167]. Теория эволюционного механизма основана на признании зависимости, согласно которой «окружающая среда автоматически развивается вместе с видами, а виды – вместе со средой» [23, с. 171, 172]. Единство структуры действительности, единство структуры процесса, доказанные А. Уайтхедом, конструктивно расширяют методологическое пространство системной парадигмы.

Достаточно интересным видится развитие идеи механизмов функционирования системы в исследовании А. А. Богданова, который выдвинул предположение о существовании тектологического механизма, действие которого обеспечивает непрерывность любого процесса. Его основу составляет конъюгация, которая является тем первичным моментом, когда возникают, разрушаются, существенно изменяются организационные формы.

Зачастую для соединения двух и более комплексов в единую цепную связь требуется компонент-посредник. Возникающая при этом опосредованная связь – ингрессия, предотвращает взаимное разрушение компонентов при непосредственном соединении. В случае выпадения промежуточного звена связь разрушается, комплексы уничтожаются, система разрушается [6, с. 120–131]. Элементы тектологического механизма позволяют повысить точность и конструктивность исследования системности объекта и в этой связи могут быть включены в методологическое пространство системной парадигмы экономики.

В многообразии научных работ, посвященных системной проблематике, особо следует выделить труды В. Н. Садовского. Его исследования в области общей теории систем служат методологическим основанием разработки системной парадигмы экономической теории. Выделенные ученым принципы системного объекта – целостность и иерархичность и порождаемые ими парадоксы позволяют нам сформулировать логические круги решаемых системной парадигмой задач: условием решения первой задачи является наличие решения второй, а решение второй задачи воз-

можно лишь при наличии решения первой [22, с. 234]. Это позволяет нам сформулировать круг относительно самостоятельных задач, решаемых системной парадигмой, которые заключаются в дихотомии: системность исследования экономики и исследование системности экономики.

Методология системной парадигмы обогащается сформулированными И. В. Блаубергом антиномиями целостности: целое есть сумма частей, а целое больше суммы частей; части предшествуют целому, а целое предшествует частям; целое причинно обусловлено частями, а целое исключает причину; целое познается через его части, а части могут познаваться лишь на основе знания о целом [5, с. 77].

Анализируя позицию Л. Берталанфи, стоит заострить внимание на использовании им приема поиска различных состояний равновесия системы, разнообразных форм взаимодействия систем. Универсальным, по его мнению, является деление систем на открытые и закрытые [3, с. 32, 33]. Критерий разграничения форм системы, характера происходящих в них изменений, предложенный Л. Берталанфи, обладает большой теоретико-практической значимостью для методологии системной парадигмы, поскольку функционирование и развитие экономики является системным процессом и требует к себе соответствующего подхода.

Результатом дальнейшего углубления системного исследования явилось введение И. Р. Пригожиным в научный оборот понятия диссипативной системы [21, с. 356, 198]. Конструктивность понятий самоорганизации, флуктуации, бифуркации, энтропии, необратимости, симметрии, отражающая объективные процессы в диссипативной системе, позволяет реализовать как системность исследования объекта, так и исследование системности объекта в границах системной парадигмы.

Проведенное нами исследование позволяет сформулировать предварительный вывод о том, что системная парадигма экономики конструктивно опирается на философию системного исследования, тектологию, системологию, общую теорию систем. Системология по отношению к системной парадигме выступает базой, при помощи которой экономическая система «изучается с позиции целостного (интегрированного) восприятия происходящих в ней процессов, выявления присущих системе общих и специфических закономерностей и использовании их для анализа и познания существующей системы и для создания более современной системы, обеспечивающей более эффективное достижение поставленной цели» [20, с. 28]. В свою очередь общая теория систем, являющаяся «особой формой проявления того подхода, который можно называть системным», конкретизацией его принципов и методов, реализует познавательную возможность поиска наиболее существенных признаков экономической системы [24, с. 4].

Разрешить проблему, возникающую в процессе практической деятельности «можно только в том случае, если противопоставить ей ... комплекс научных методов и знаний, охватывающий своими познавательными

возможностями наиболее существенные стороны явлений, обусловивших возникновение и развитие данной проблемы» [17, с. 18]. Пространству экономической системы, в котором формируется проблемы, соответствует методологическое пространство системной парадигмы, позволяющее исследовать экономику как систему. Многоуровневость пространства экономической системы коррелируется с многоуровневостью пространства системной парадигмы, состоящего из комплекса методологических подходов и методических приемов. Рассмотрим структуру методологических подходов, составляющих потенциал системной парадигмы экономики.

Вскрыть наиболее общие законы развития экономической системы позволяет диалектика. Законы диалектики истолковывают процессы развития экономической системы через выявление устойчивых связей между элементами системы, обуславливающими их упорядоченное изменение. Они позволяют выявить функциональную взаимосвязь экономической и социальной подсистем общества на основе оценки стадий развития или их состояния. Закон перехода количественных изменений в качественные применительно к экономической системе реализуется следующим образом. Мелкие, незаметные количественные изменения содержания системы постепенно накапливаются, нарушают возможный предел и вызывают коренные, качественные изменения, вследствие чего возникают новые социальные отношения. Поскольку новая целостность системы образована суммой единичного, то начинает действовать закон единства и борьбы противоположностей. Нельзя не заметить, что конвергенция единичного – временное явление, поскольку объединение противоположностей сохраняет конфликтный потенциал, который впоследствии и провоцирует внутреннее самодвижение.

Развитие экономической системы объективно подчинено действию закона отрицание отрицания. Отрицание подразумевает конструктивное разрушение предшествующих во времени социальных отношений в пользу создания новых, соответствующих новационным требованиям производственных отношений. Таким образом, объективные законы бытия, вскрывающие диалектику развития экономической системы, представляются нам необходимым основанием методологического пространства системной парадигмы.

В системе общих законов развития важное место занимают законы экономического развития, которые определяют научные принципы исследования процессов развития экономики. Закон соответствия производительных сил уровню развития производственных отношений, закон неуклонного роста производительности труда, закон возвышения потребностей отражают объективные условия экономического прогресса. Включение экономических законов в пространство системной парадигмы позволяет предвидеть главные объективные тенденции развития экономической системы и направлять процесс совершенствования экономической системы.

Конструктивность многоуровневого методологического пространства системной парадигмы обеспечивается присутствием в нем системного подхода. Уникальность системного подхода заключается в его опоре «на принцип всеобщей связи и взаимозависимости предметов и явлений, бесконечного движения, развития» [2, с. 3].

Возможности системного подхода заключены в объяснении феномена экономики, в основе которого лежит поиск конкретных механизмов целостности и выявление полной типологии связей [26, с. 633]. «Системный подход, представляет собой совокупность методов и средств, позволяющих исследовать свойства, структуру и функции объектов, явлений или процессов в целом», что дает возможность видеть экономику как систему со сложными взаимосвязями, взаимовлияниями элементов [20, с. 22].

Для конкретизации принципов движения и развития применительно к исследованию, проектированию, конструированию экономической системы нами предлагается ввести в пространство системной парадигмы структурный подход. Сущность совокупной целостности наиболее полно отражает структура экономической системы, обусловленная пространственно-организованной формой производства, потребления, обмена; разнообразными формами осуществления экономической, социальной, хозяйственной деятельности; сложной системой производственных, социальных, трудовых отношений. Актуальность структурного подхода усиливается в условиях усложнения пространства экономической системы по горизонтали и вертикали. Например, эволюционирование корпораций, процессы эволюции регионов насыщают пространство экономической системы разнообразием связей и отношений, организованных в сложнейшей структуре взаимодействий.

Нам представляется целесообразным включить функциональный подход в методологическое пространство системной парадигмы, предварительно осуществив демаркацию близких по смыслу функционального и системного подхода. Системный подход предполагает исследование взаимодействия элементов системы через выполнение ими своих функций. Функциональный подход исследует взаимодействие элементов в контексте непрерывной связанности факторов производства. Функциональный подход привносит в системное исследование экономики возможность оценки влияния различных комбинаций факторов производства на развитие экономической системы. Относительная дискретность факторов производства в их многообразных сочетаниях на уровне экономической системы переходит в непрерывность их взаимодействия и поступательно меняет пространство экономической системы.

Основные черты эволюции экономической системы – непрерывность, неизбежность, неравномерность, необратимость, неограниченность, неопределенность находят адекватное отражение в исследовательском по-

тенциале эволюционного подхода, который позволяет усилить системность исследования экономики.

Междисциплинарный подход в системном видении позволяет выявлять более существенные, но при этом латентные особенности экономических явлений и процессов, определять общие закономерности среди множества второстепенных признаков и черт. В качестве подтверждения данного тезиса можно сослаться на Дж. Гэлбрейта, который утверждает, «что вопросы, не затрагиваемые экономической наукой... это может быть неудобные вопросы, но они имеют важное значение» [9, с. 474]. А. Маршалл отмечает, что «обладая знаниями о религиозных и моральных, интеллектуальных и этических, политических и социальных условиях, специалист ... может расширить границы наших знаний и выдвинуть новые идеи» [15, с. 212]. «Совершенно ясно, – утверждает Н. Д. Кондратьев, что отдельные науки отличаются друг от друга. Но так как все они изучают один и тот же объект – социальное хозяйство, то приносят свои методы исследования» [11, с. 250].

Таким образом, системная парадигма экономики представляет собой системное исследование системности экономики. Научно-практическую задачу системной парадигмы целесообразно сформулировать в виде двух относительно самостоятельных задач: практическая реализация системного исследования экономики; методологическое обеспечение исследования системности экономики.

Библиографический список

1. Ананьин О. И. Экономическая теория: кризис парадигмы и судьба научного сообщества // Вопросы экономики. – 1992. – № 10.
2. Афанасьев В. Г. Мир живого: системность, эволюция и управление. – М. : Политиздат, 1986. – 334 с.
3. Берталанфи Л. Общая теория систем–обзор проблем и результатов // Системные исследования: Ежегодник. – М. : Наука, 1969. – 328 с.
4. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. – М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2004. – 416 с.
5. Блауберг И. В. Проблема целостности и системный подход. – М. : Мысль, 1997. – 455 с.
6. Богданов А. А. Тектология: (всеобщая организационная наука) Кн. 1. – М. : Экономика, 1989. – 304 с.
7. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. научн. ред. и сост. А. А. Грицанов. – М. : АСП, 2001. – 1405 с.
8. Гурова И. П. Конкурирующие экономические теории. – Ульяновск: Изд-во УлГУ, 1998. – 180 с.
9. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М. : Прогресс, 1969. – 477 с.
10. Клейнер Г. Б. Системная экономика как платформа современной экономической теории // Вопросы экономики. – 2013. – № 6.
11. Кондратьев Н. Д. Избранные сочинения. – М. : Экономика, 1993. – 543 с.
12. Кун Т. Структура научных революций. – М. : Прогресс, 1997. – 300 с.

13. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. – М. : Прогресс, 1995. – 247 с.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. 1. – М. : Политиздат, 1964. – 761 с.
15. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. – М. : Прогресс, 1993. – 415 с.
16. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. Т. 5. Кн. 2. / отв. ред. Г. Г. Фетисов. – М. : Мысль, 2005. – 813 с.
17. Новосельцев В. Н. Системный анализ: современные концепции. – Воронеж : Кварта, 2003. – 360 с.
18. Нуреев Р. М. Экономика развития: модели становления рыночной экономики. – М. : Норма, 2008. – 576 с.
19. Орехов А. М. Методы экономических исследований. – М.: Инфра-М, 2006. – 392 с.
20. Прангишвили И. В. Системный подход и общесистемные закономерности. – М. : Синтег, 2000. – 528 с.
21. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : новый диалог человека с природой. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
22. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. – М. : Наука, 1974. – 289 с.
23. Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М. : Прогресс, 1990. – 717 с.
24. Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. – М. : Мысль, 1978. – 272 с.
25. Филатов И.В., Шаститко А.Е. Неоинституциональная теория. – М., 2000. – 590 с.
26. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – М. : Политиздат, 1983. – 590 с.
27. Хаусман Д. Экономическая методология в двух словах // МЭиМО. – 1994. – № 2.

IV. FEATURES OF INTENSIFICATION OF INTERACTION OF EASTERN AND WESTERN CIVILIZATIONS IN THE MODERN WORLD

КУЛЬТУРНО-ЦЕННОСТНЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ – ГЛАВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭПОХИ

Ф. Ф. Саетгалиева

*Кандидат философских наук, доцент,
казанский государственный аграрный
университет,
г. Казань, Республика Татарстан, Россия*

Summary. After the collapse of the USSR the main contradiction of the modern era has become a cultural value conflict between East and West. The origins of this incompatibility lies in opposition to the Islamic and Christian spiritual traditions. Any «interpenetration» of cultures cannot be and speeches, and the only possible way of communication is dialogue of cultures.

Keywords: globalization; the Muslim world; European values; cultural values; conflict; dialogue of cultures.

До 1991 года основным противоречием той эпохи было противоборство двух систем – капиталистической и социалистической. Распад СССР по времени совпал с вступлением человеческой цивилизации в эпоху глобализации. Бурное развитие информационных технологий превратило глобализацию в объективный цивилизационный процесс интеграции экономической, политической, духовно-информационных сфер жизни подавляющего большинства стран мира. В то же время глобализация превратилась в политический курс группы государств.

Одержав победу над социализмом, западные страны во главе с США почувствовали себя хозяевами планеты и стали настойчиво навязывать всему миру либерально-демократические ценности. Но, как оказалось, исламская часть человечества категорически не намерена принимать европейские ценности.

В 1993 году вышла книга американского политолога С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», в которой он предсказывал, что в новом веке основным источником конфликтов в мире станет культура народов, принадлежащих разным цивилизациям [2]. Прошедшие два десятилетия подтвердили правоту С. Хантингтона: пропасть между Западом и Востоком становится все глубже и шире, а либеральная глобализация лишь усугубила это противостояние. Недавние трагические события в Париже лиш-

ний раз подтвердили, что отношения между западной и восточной цивилизациями пронизаны ненавистью, враждой и непримиримостью. Учитывая стремительный рост мусульманского населения планеты на фоне низкой рождаемости в европейских странах, велика вероятность, что и в дальнейшем ситуация будет только усугубляться.

Истоки несовместимости культуры Запада и мусульманского Востока кроются в противоположности исламской и христианской духовных традиций. Главная особенность исламской духовной традиции в том, что здесь религиозное и светское, сакральное и земное в принципе неразделимы [1]. Это особенно заметно в сравнении с христианской традицией.

Как известно, христианство утверждает идею безусловной самоценности человеческой личности, считая его творением по образу и подобию Бога, что дает личности относительную бытийную самостоятельность. В исламе человек не может утверждаться как безусловная ценность, так как безусловное принадлежит только Богу. Аллах – абсолютная ценность, и в жизни человека он не воплощается. Поэтому любые пародии на Аллаха (карикатурное изображение его) воспринимаются мусульманами как посягательство на святое. Мусульманин мыслит на языке ислама, взгляд на религию «со стороны» для него просто невозможен. Если, например, для христианина возможен взгляд на Библию, в том числе и как на памятник культуры, то для мусульманина Коран – воплощение Божественного Откровения в чистом виде, стоящее несравнимо выше любой культуры. Именно здесь заключена, в частности, причина того непонимания, которое вызывает на Западе агрессивная реакция мусульман на осквернение Корана.

Как видим, исламский мир – это качественно отличная от Запада цивилизация, которая породила и соответствующую ментальность. В мусульманском мире иная система запретов и ограничений, иное отношение к власти, к демократии, к женщине. Разнятся подходы к таким понятиям, как справедливость, правда, пределы насилия, цена человеческой жизни. В таких дорогих для Запада ценностях, как демократия, свобода, верховенство закона и уважение прав человека и меньшинств, терпимость и солидарность, равенство между мужчинами и женщинами мусульманин видит безбожие, разврат, плутократию, пьянство, порнографию.

Таким образом, главным противоречием современной эпохи является глобальный культурно-ценностный конфликт между Западом и Востоком. Совершенно очевидно, что нам предстоит жить на резко прочерченном стыке мусульманской и европейской культур, – о каком-либо «взаимопроникновении» культур не может быть и речи. Остается единственно возможный способ взаимодействия – диалог культур, цивилизаций, идеологий; соблюдение принципа сосуществования и сотрудничества различных конфессий, и если не уважение к другим религиям, – то хотя бы проявления терпимости к ним.

Библиографический список

1. Утимова А. А. Мусульманский менталитет. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/298/4769> (дата обращения 23.03.2015)
2. Хантингтон С. П. Столкновение цивилизаций? – М., 2003.

ЗАРУБЕЖНАЯ ТЕМАТИКА В ТВОРЧЕСТВЕ КАМИЛЯ НАДЖАФЗАДЕ

Д. Я. Самедов

*Аспирант,
Институт архитектуры и искусства
Национальной академии наук
Азербайджана, г. Баку, Азербайджан*

Summary. The foreign themes takes up a large part in Najafzadeh's creativity. The artist traveled a lot of countries of the world. The vast majority of the works were created on impressions of foreign trips – city landscapes, street sketches. It is indicative that the architectural constructions imprinted by the artist in various countries and belonging to different cultures are presented in different manners of art statement. Besides, the chosen stylistics of any architectural form as a rule, cause certain culturological associations in the audience.

Keywords: artist; landscape; painting; composition; sketch.

Зарубежная тематика занимает в творчестве Наджафзаде большое место. Начиная с 1958 года художник неоднократно совершал поездки в зарубежные страны. Затем, по полученным впечатлениям, он создавал серии графических и живописных произведений, которые экспонировались на выставках в Баку, Москве и других городах. Среди его произведений есть работы, рассказывающие о жизни людей и достопримечательностях Франции, Англии, Италии, США, Канады, Турции, Румынии и других стран.

Сам художник как-то заметил, что, несмотря на все сложности, обычно сопутствовавшие в Советском Союзе выезду за рубеж, и на тот факт, что художник был не только беспартийным, но даже не состоял в комсомоле, его, тем не менее, включали в состав делегаций, направлявшихся с дружескими и творческими визитами в различные страны.

С особой теплотой Наджафзаде вспоминает свою поездку во Вьетнам в 1982 году. Среди произведений вьетнамской серии можно встретить работы самых разных жанров: пейзажи городские и сельские, портреты, уличные зарисовки, жанровые сцены. Тематические композиции, посвященные жизни вьетнамцев, связаны, как правило, с основными видами их трудовой деятельности – рисоводством, рыболовством и отдельными видами легкой промышленности. В своих работах художнику удалось передать тот напряженный трудовой ритм, в котором жили в те годы рядовые вьетнамцы.

Картина «На пашне» (рис. 1) представляет собой центрическую композицию. Три пары буйволов в разных направлениях вспахивают землю. Однако они расположены таким образом, что у зрителя создается впечатление движения по кругу. Это круговое движение, не имеющее в реальности места, становится в картине важнейшим художественным приемом. Хочется отметить активную пластику, с которой художник изобразил центральную пару буйволов на переднем плане. По сравнению с ними люди показаны крайне обобщенно. Человек – лишь направляющая сила, и именно эти большие сильные животные обеспечивают ему жизненные условия. Лаконично решенная композиция настолько соотнесена в своих пропорциях, что воспринимается как монументальное полотно. Определенно: это – одна из лучших картин художника из вьетнамского цикла. Поистине, она звучит как гимн трудолюбию и упорству этих хрупких, маленьких, но сильных духом людей.

Одной из важнейших средств пропитания вьетнамцев, помимо рисоводства, является рыболовство. На холсте «Рыбаки Вьетнама» запечатлен момент, предшествующий отплытию рыбаков (рис. 2). В предрассветный час рыбаки выстроились с равномерными интервалами в стройную линию у берега, чтобы расправить сети. Этот малозначительный, казалось бы, рабочий момент представлен как заклинание, как священный ритуал, непременный для достижения успешного результата. Обращает на себя внимание колористическая тонкость, с которой исполнен холст. Нежные переходы пасмурных серо-жемчужных тонов в желтоватые, общая оливковая гамма тонов, оживленная разноцветными рубашками рыбаков, которые, наряду с желтыми шляпами, эффектно контрастируют с их темными фигурами, наконец, изящные линии рисунка сетей и прозрачной ткани паруса над лодкой – все это придает работе высоко художественное качество.

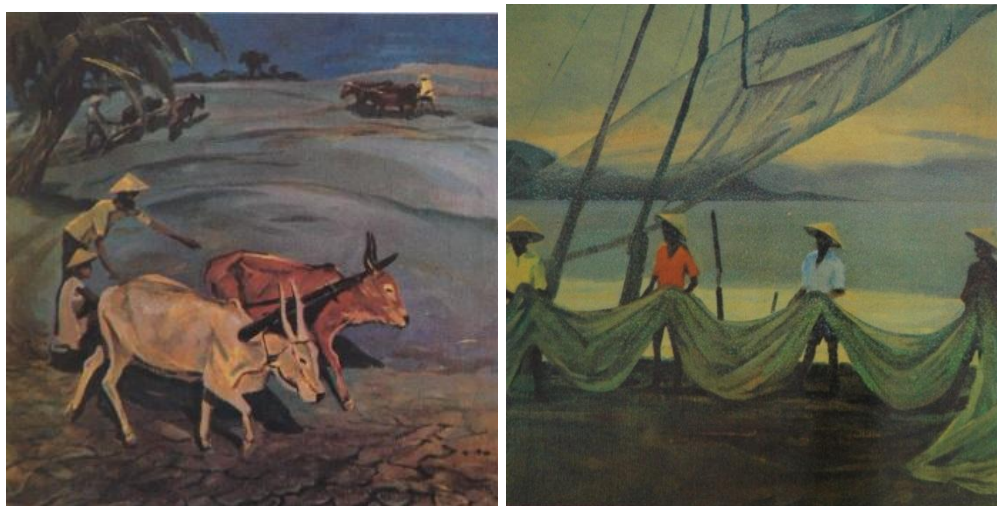

Рис. 1. «На пашне». Рис. 2. «Рыбаки Вьетнама»

И вновь хочется подчеркнуть, что художник не останавливается на сугубо повествовательной стороне творчества. Используя свое воображение и живописное мастерство, он поднимает обыденные, повседневные сюжеты на уровень высокого обобщения, насыщая образы философским смыслом и обогащая, тем самым, содержание описательных, на первый взгляд, работ.

Помимо темы труда, художник написал немало уличных сцен, полных острой наблюдательности. Декоративный характер холстов, изображающих уличные сцены, полностью основан на умелом использовании средств живописной выразительности.

Взять, к примеру, картину «Дождь». Вертикальная композиция, по сути, посвящена одному женскому образу, который художник как бы выделил из толпы. Ярко-желтые одежды, в которые одета девушка под зонтом, эффектно сочетаются с общим, несколько размытым синим колоритом. По существу, цветовой строй этой картины полностью соответствует законам сочетания цветов. Голубой цвет в верхнем ярусе органично перетекает в зеленую гамму в нижнем ярусе через желтую середину. Здесь стоит вспомнить, что слияние голубого и зеленого рождает именно желтый цвет. Размытые фигуры, «размытая» фактура как бы имитирует струи дождя на стекле окна. Также, на сочетании этих трех цветов построена картина «Старое и новое», где одноэтажные хижины стоят на фоне небоскребов, в то время как женщины на улицах носят продукты по старинке – в двух корзинах через плечо.

Находясь во Вьетнаме, художник много писал людей, стараясь запечатлеть широкую панораму образов – своих современников, живущих на другом «конце Света». Среди вьетнамских портретов подавляющее большинство составляют жанровые портреты, то есть – портреты-ситуации, когда модели показаны в их естественной среде, в контексте их повседневных занятий. Таковы работы «Короткий отдых», «Рабочие», «Сбор риса». Имеются также чисто лирические зарисовки, как например картины «Девушка в желтом» и «Девочка с зонтиком». Здесь К. Наджафзаде проявил себя не только как тонкий колорист, но и как тонкий психолог. В этих, на первый взгляд, обобщенных портретных образах, при более пристальном рассмотрении прочитывается целая гамма чувств и эмоций.

Известно особая тяга художника к пейзажному жанру. Пейзажи, созданные им во Вьетнаме и по впечатлениям от поездки в эту страну, отличаются изысканным графическим решением и нежным колоритом. Избегая какой-либо стилизации, художник в пейзажах «Утро» и «Закат» как бы воссоздал поэтику средневековой дальневосточной миниатюры на свитках. Именно здесь, в природном окружении, он нашел ту острую характерность, экзотику, которая позволила ему открыть новые выразительные возможности пейзажного жанра.

Подавляющее большинство работ, созданных по впечатлениям от зарубежных поездок – городские пейзажи, уличные зарисовки. Безусловно, в каждой стране имеются какие-то знаковые памятники, составляющие всемирную славу национальной культуры, к которой они принадлежат. Собор Сан-Марко в Венеции, готический собор в Кёльне, святые места паломничества в Иране, Стена плача в Иерусалиме и др. Эти и многие другие достопримечательности в разных странах мира предстают перед зрителем сквозь призму субъективного видения Кямиля Наджафзаде.

Так, собор Св. Марка в Венеции (рис. 3) показан с угловой точки зрения, а не так, как он обычно демонстрируется – со стороны площади, с наиболее выигрышной позиции. Холст исполнен в эскизной манере. Сам собор показан обобщенным силуэтом, исчезающим в дымке на заднем плане. Он – лишь фон. Композиция представляет улицу, залитую солнцем и заполненную прохожими. Люди, фонарные столбы, случайно попавшие в обзор здания – все дано отдельными яркими мазками, отчасти напоминающими манеру великого итальянского художника 18 в. Каналетто. Обобщенная, эскизная манера письма, в которой исполнена данная работа, наводит на размышления, что не конкретный архитектурный мотив интересовал здесь художника, а в целом светлая, праздничная атмосфера, беспечная суeta, которой, как правило, полны улицы Венеции.

Рис. 3. «Собор Сан-Марко в Венеции».

Совершенно иначе – строго, достоверно – показаны места паломничества мусульман в Иране: мечеть в Мешхеде и мечеть Имама Рзы в Тегеране. Композицию «Мечеть в Мешхеде» (рис. 4) скорее можно отнести к тематической картине, чем к архитектурному виду. Сквозь арку, через которую виднеется фасад мечети, проходят верующие. Выразительность холста построена на контрасте светло-голубого тона неба и самой мечети и черного цвета – одежд паломников и теней, падающих от фигур.

Показательно, что архитектурные сооружения, запечатленные художником в различных странах и принадлежащие разным культурам,

представлены им в разных манерах художественного высказывания. Причем, выбранная стилистика того или иного архитектурного вида, как правило, вызывает у зрителя определенные культурологические ассоциации.

Так, к примеру, уже указывалось на определенное сходство венецианских видов, сделанных К. Наджафзаде, и творческой манеры Каналетто – художника, который писал Венецию всю свою жизнь. Вид готического собора в Кёльне (рис. 5) вызывает несомненные ассоциации с творчеством немецких экспрессионистов, а виды различных уголков Франции своим изящным рисунком и этюдным характером вызывают в памяти холсты импрессионистов. Наконец, яркие, пестрые, с резкими композиционными сдвигами виды улиц Нью Йорка весьма органичны по своему решению современной американской живописи.

Рис. 4. «Мечеть в Мешхеде». Рис. 5 «Готический собор в Кёльне».

Создается впечатление, что художник, находясь в географически разбросанных точках земного шара, наряду с чисто зрительной информацией, неосознанно улавливал некий градус, энергетический импульс, благодаря которому его художественное мышление «подключалось» к тому или иному типу творческого высказывания.

Библиографический список

1. Вагабова Д. Другое искусство. – Баку, 1993. – 116 с.
2. Габибов Н.Д. Изобразительное искусство Азербайджанской ССР. – Баку, Азернешр, 1959. – 20 с.
3. Кямилъ Наджафзаде. По Вьетнаму. Живопись, графика. Вступ. статья – Н. Габибов.
4. Народный художник // Галерея. – 2008. – февраль. – С. 72–78.

5. Самедов Д. Я. Пейзаж в творчестве Кямиля Наджафзаде. Международный музыкальный культурологический журнал «Harmony». – № 8. – Баку, 2008. URL: <http://harmony.musigi-dunya.az>

АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУР

Е. А. Сараева

*Студент,
Научно-исследовательский Томский
государственный университет
г. Томск, Россия*

Summary. This article observes the topic of Arabic borrowings in English language. The author analyses the history and reasons of their transfer in English. The article considers Arabic borrowings as a feature of the interaction of eastern and western civilizations.

Keywords: borrowings; eastern and western civilizations; history of intercultural communications.

В английском языке процент лексических заимствований значительно выше, чем во многих других языках, так как в силу различных исторических причин он оказался, в противоположность, например исландскому, русскому, китайскому, японскому, очень проницаемым. Помимо заимствований из классических языков (латыни и греческого), французского, скандинавского, русского и других европейских языков, в современном английском языке имеется довольно солидный пласт слов, пришедших из неевропейских языков. Это языки арабских стран, стран Ближнего и Дальнего Востока. Однако доля восточных заимствований в английском языке существенно меньше заимствований из западных языков. Это явление обусловлено наличием внешних причин, тормозящих и препятствующих процессу межкультурной коммуникации между Великобританией и странами Востока. К таким причинам относят географическую отдаленность Великобритании от стран азиатского континента, внешнеэкономическую и политическую закрытость, а также господствующее положение доминиона Великобритании.

Арабские заимствования составляют большую часть из восточных лексических заимствований в английском языке. Согласно исследованиям ученых, всего их насчитывается около 170, из них около 50 – прямых и 120 не прямых заимствований. Это обусловлено тем, что межкультурная коммуникация между Великобританией и арабскими странами стала наиболее рано и активно осуществляться, чем с другими странами Востока [3, с. 5–8]. Проникновение арабских слов в английский язык началось в эпоху средневековья, когда была оборвана связь с наследием древних греков, и научная

мысль в Европе замерла, на Востоке же наука в это время стремительно двигалась вперед. Древние арабы достигли значительных успехов в области математических наук, астрономии, медицины. Следует отметить, что так же, как латинский язык был языком ученых в средневековой Европе, так арабский язык был языком науки для древнего Востока [4, с. 33–38]. Именно в этот период наука и литература арабов приобретают мировое значение и оказывают влияние на развитие мировой культуры.

Арабы существенно обогатили астрономию обширными наблюдениями, самыми точными для того времени, астрономия же послужила стимулом для развития математики, операции над числами стали более доступными после восприятия арабами в VIII веке позиционного принципа записи чисел. В этот период времени арабские ученые ввели метод экспериментального опыта в естествознании, было описано строение глаза в оптики, были введены описания многих новых химических реакций и свойств в химии, были заложены основы географических представлений об Азии и Северной Африки [2, с. 120–132]. Англичане во время торговых экспедиций, дипломатических миссий, научных визитов, общаясь и контактируя с местными жителями, перенимали опыт и знания арабских стран. Также многие заимствования проникали не напрямую, а опосредованно через межкультурную коммуникацию с другими народами. Большая часть арабских слов попала в английский язык через греческий и итальянский языков, другая – из Испании, где мавры, говорившие на арабском языке, господствовали в течение 700 лет. Некоторые слова прошли более дальний путь – из Испании во Францию и лишь оттуда проникли в английский язык [1, с. 42–51]. Для этого периода времени в через процесс межкультурной коммуникации характерно проникновение таких арабских научных терминов и культурных понятий в английский язык как: *sinus* – синус; *cosine* – косинус; *cipher* – шифр, код, арабская цифра; *algebra* – алгебра; *carat* – карат; *alkali* – щелочь и т. д.

Наибольшее количество арабских слов было заимствовано в XV–XVII веках. Начиная со времен правления Елизаветы I (1533–1603) английские мореплаватели, торговцы начали осваивать земли Востока. Межкультурная коммуникация между этими странами особенно усилилась в сфере торговли и культурных связей. Арабские страны, богатые экзотическими фруктами, тканями, растениями, материалами, традициями, стали продавать все свои сокровища гостям из Англии. Английские путешественники привозили на родину диковинные товары с Востока, а вместе с ними и их лексические обозначения, которые прочно укоренились в английском языке [4]. Например, *arsenal* – арсенал, оружие; *tameluke* – мамелюк; *jar* – кувшин; *coffee* – кофе; *hashish* – гашиш; *mattress* – матрац и др.

Арабский язык также обогатил словарь английского языка словами, обозначающими различные цвета, которыми изобиловали арабские ткани, и предметы роскоши: *crimson* (алый), *carmine* (кармин), *azure* (лазурный) и

lilac (лиловый). Англичане заимствовали у арабов понятие *rocket*, что в переводе с арабского *raha* обозначает ладонь руки. Арабы были прекрасными мореплавателями, путешественниками и торговцами, англичане, знакомясь с арабской культурой мореплавания, заимствовали в свой язык понятия: *mizzen masts* – базань-мачты; *admiral* – адмирал [2, с. 44–56].

В XVII–XIX столетиях культурная коммуникация между Англией и странами Ближнего Востока происходила уже не так активно. Это обусловлено возросшим внешнеполитическим влиянием Великобритании, курсом на политику колонизации, промышленной революции, резкой модернизацией страны. Арабские страны существенно отставали в своем развитии от Англии в научном, культурном и техническом аспектах, торговля не набирала новые обороты, арабские страны в процессе межкультурной коммуникации не могли поделить что-то новым, неизвестным для англичан. В данный период времени начался скорее обратный процесс, арабский мир начал заимствовать лексические единицы из английского языка, вместе с научными и культурными достижениями западных стран.

Таким образом, развитие отдельных научных и технических отраслей в арабском мире способствовало межкультурной коммуникации с Великобританией. Наличие в английском языке языковых заимствований из арабского языка подтверждает не только культурное и научное взаимодействие восточной и западной культур, а также их языковое взаимообогащение, которое происходит и на сегодняшний день.

Библиографический список

1. Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. – С. 170.
2. Михайлов Л. А. Концепции современного естествознания : учебник. – СПб., 2008. – 334 с.
3. Узденова Л. А. Арабские заимствования в русском и английском языках. – М. : Express, 2008. – 10 с.
4. Черемисина Т. И. Функциональный аспект неассимилированных заимствований в современном английском языке. – М., 1983. – Вып. 212. – 57 с.

V. THE DEVELOPMENT OF FORMS OF SPIRITUAL CULTURE AS A GUARANTEE OF STABILITY OF MODERN SOCIETY

РАЗВИТИЕ ФОРМ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ У СТУДЕНТОВ-СТОМАТОЛОГОВ

С. В. Крайнов
А. Н. Попова
В. Ф. Михальченко
И. В. Фирсова

*Ассистент кафедры,
кандидат медицинских наук, доцент,
доктор медицинских наук, профессор,
доктор медицинских наук, профессор,
Волгоградский государственный*

медицинский университет

И. А. Крайнова

*Заместитель директора,
Детская школа искусств № 5 Волгограда,
г. Волгоград, Россия*

Summary. The article provides a theoretical ground for the necessity introduction of educational work with students of medical schools program of artistic and aesthetic education. Authors point out to the importance of formation of personality of a future doctor spiritual, humane qualities, necessary for successful practice with patients and the fact that association with art will promote their progress.

Keywords: culture; higher education; medicine; educational work; dentistry; deontology.

Во все века и времена важнейшими ценностями для человека были и остаются его жизнь и здоровье. На страже последних стоит врач – в сущности – обычный человек, со своими страхами, пороками, интересами, воззрениями. Он, как и все, учится своему ремеслу, постигая множество наук. Но достаточно ли этого? Ведь не менее важным является развитие его духовной культуры.

Итак, медицина занимается вопросами сохранения здоровья, то есть самого дорогого, что есть у человека. Зачастую, здесь возникают сложные, неоднозначные ситуации, разобраться в которых непросто даже опытному специалисту, не говоря уже о недавних выпускниках медицинских вузов [2, с. 1007]. Поэтому особое значение имеет «гуманитаризация» медицинского образования, и такие науки и дисциплины, как философия, биоэтика, медицинская психология призваны помочь студенту стать настоящим врачом, способным к сопереживанию, умеющим выслушать и понять пациента, проявив сочувствие и сострадание. Не зря говорят, что «плох тот врач, после общения, с которым пациенту не стало лучше» [3; 5, с. 13–16]. Возьмем на себя смелость сказать: медицина – это «человекознание», причем

не только его анатомо-физиологических и биологических составляющих, но также и социально-психологических. Подобный дуализм в понимании «природы человека» не играл на пользу системе медицинского образования, особенно, если говорить об отечественном опыте, где естественнонаучная модель по-прежнему доминирует. В результате сложилась ситуация, когда современный выпускник-медик не «научен» видеть человека, а не больной орган, или болезнь. Проблема ли это?! Конечно! Пациент приходит к врачу не за медицинской услугой (как это принято считать в юриспруденции), а за медицинской помощью! Разница весьма очевидна. Больной куда охотнее обратится к более «милому» врачу, умеющему выслушать и показать свое участие, даже если его компетентность и профессиональная состоятельность уступают более грамотному, но менее «приветливому» доктору [4].

Еще одним немаловажным фактором является культура речи врача, умение грамотно задавать вопросы, что наиболее актуально в педиатрии и гериатрии, где пациенты (особых возрастных групп) крайне ранимы и требуют к себе особого внимания и подхода [6, с. 20–23]. Кроме того, важно уметь поддержать разговор (причем, на разные темы, в зависимости от интересов и компетенций пациента), добиваясь доверия со стороны больного, от этого будут зависеть показатели его комплаентности и, в конечном счете, успешности предстоящего лечения [1; 4]. Учат ли этому в медицинском вузе? Отчасти. Тем не менее, думается, что этого недостаточно.

С другой стороны, общение врача и больного не должно превращаться в прием у психоаналитика. Иначе пострадает уже клиническая составляющая медицинской помощи. Необходимо соблюдать меру, найти некую золотую середину. Безусловно, у каждого она своя, но чтобы определить ее, врачу нужен опыт общения с людьми и достойная теоретическая база по тем гуманитарным наукам и дисциплинам, о которых было написано ранее.

Особая ситуация складывается в «отраслях» медицины, которые раньше других встали на коммерческий путь развития (к примеру, в стоматологии) [3]. И здесь снова возникает дилемма соотношения между «услугой» и «помощью». С одной стороны, стоматолог – врач, который лечит, с другой – специалист, оказывающий услугу. Вся беда в том, что зачастую, пациент позиционируют себя исключительно клиентом. Клиент – всегда прав. Клиент может «заказывать музыку», ибо он платит. Но стоматология была, есть и будет медицинской дисциплиной, следовательно, здесь не работают механизмы, свойственные, например, парикмахерской. Пациент не может диктовать, какая методика, в каких объемах должна быть выполнена. Нечто подобное можно наблюдать и в пластической хирургии. Отсюда многочисленные жалобы и судебные иски. Обе стороны (оказывающая и получающая услуги), фактически, говорят на разных языках. Почему? Ответ прост: речь идет о ЗДОРОВЬЕ, и любая подмена понятий – приводит к

перекосу в понимании проблемы. Поэтому врачу необходимо быть хорошим психологом, в известной мере – гуманитарием, способным убеждать, демонстрируя свою компетентность, грамотность и эрудированность. Безусловно, гуманитарные предметы не должны заменять медицинские, равно как и не должны перегружать и без того насыщенную программу. Но они могут дополнять ее, формируя у студентов-медиков столь необходимые в их будущей практической деятельности компетенции.

Каким же образом можно реализовать новый подход к образовательному процессу? Представляется, что особую роль должна играть воспитательная работа со студентами, осуществляемая, в том числе, кураторами академических групп. Весьма эффективным будет эстетическое воспитание учащихся. Однако важно, чтобы оно носило не случайный характер, а было бы структурировано и систематизировано (например, в форме программы). Необходимо постепенно «вводить» студента в мир искусства. Еще один важный момент – это последовательность и преемственность реализуемых художественно-эстетических компетенций, служащих своего рода методической основой подобной воспитательной программы.

Студентам всегда интересны спектакли, инсталляции и перформансы, предполагающие сотворчество «художника» и «зрителя», то есть, своего рода, соучастие происходящему – это способно изменить взгляд молодого человека на искусство. Оно станет ближе и доступнее. Важно не только, и даже не столько вложить знания, сколько научить умению ими пользоваться.

Но в чем же заключается особенность именно студентов-стоматологов? Почему мы выделили их в отдельную группу? Этот вопрос требует особого рассмотрения. Работу стоматолога во многом можно сравнить с творчеством скульптора. При восстановлении утраченных твердых тканей зуба (особенно жевательной поверхности, имеющей сложную архитектуру) врач должен воспроизводить все его анатомические особенности: естественную форму и конфигурацию бугров и фиссур, изгибы коронковой части и т. д. Таким образом, доктору необходимо обладать пространственным мышлением, чувством глубины формы (ее целостного восприятия), пропорции, пониманием объема и пластики, ощущением отношения масс.

Еще одним важным этапом реставрации зубов является определение цвета пломбировочного материала. Стоматолог должен различать около 20 оттенков эмали. Однако таким навыкам необходимо обучать, подобно тому, как молодых художников обучают основам «цветоведения». Нужно знать, что такое тон и насыщенность, чем отличаются теплые и холодные тона, какие цвета можно назвать дополнительными, а какие – основными. Нельзя забывать и об оптических законах цветовосприятия: при сочетании одних цветов – общая гамма становится более насыщенной и естественной, а при сочетании других – более тусклой и «синтетической». Безусловно, физиологичность и протетическая состоятельность реставрации имеет первостепенное значение, однако ее эстетическая составляющая волнует

пациента ничуть не меньше, особенно, когда речь идет о передних зубах. И здесь стоматолог должен понимать и чувствовать палитру цветов, с которыми ему предстоит работать. Даже хорошо знакомая стандартная шкала расцветок «VITA» может быть по-разному интерпретирована врачом в зависимости от времени суток, освещенности, цвета слизистой оболочки полости рта пациента, его кожных покровов, одежды, стен кабинета и т. д. Стоматолог должен уметь «считывать» цветовые особенности коронки зуба, имеющей неоднородный оттенок, а также оптические свойства различных ее отделов (например, в пришеечной области – цвет будет более темным, в то время как в области режущего края эмаль может быть практически прозрачной). Следовательно, стоматологу может «не хватить» стандартных цветов, и придется их смешивать, добиваясь нужного оттенка и светопреломления. Последнее достигается правильным подбором опакowości реставрации. Все это опять же напоминает работу художников, методологический опыт преподавания которых может быть крайне полезен в стоматологии. Следовательно, цветовые схемы, навыки смешивания цветов и цветоведение в целом должны иметь место в образовательном процессе стоматологических факультетов, для начала, хотя бы в форме элективных курсов, разработка которых будет крайне полезна и востребована. Не случайно в стоматологии существует понятие «художественная реставрация», подразумевающее не только восстановление утраченных структур и форм, но и создание практически «произведения искусства» (когда на зубе имитируются трещины, естественные дефекты и неровности, в деталях прорабатываются архитектура фиссур и цветовое решение, что создает абсолютное ощущение натуральности). Это – стоматология совершенно иного уровня, это творчество, опирающееся на медицинские знания и умения.

Говоря о перспективах художественно-эстетического воспитания студентов-стоматологов – мы бы хотели выделить три основных его целевых вектора:

1. Формирование у студентов художественно-эстетических компетенций (повышение «культурной грамотности», эстетического вкуса), умения анализировать искусство, устанавливать ассоциативные связи.
2. Воспитание в студентах высоких нравственно-этических норм и принципов, свойственных будущим врачам, обогатив тем самым их внутренний мир.
3. Прикладное значение художественно-эстетического воспитания, связанное с профессиональной деятельностью врачей-стоматологов («цветоведение», ощущение пространства, формы и пластики).

Возможно, все это покажется наивным, но столь высокое звание – «врач» нужно уметь носить достойно, соответствуя ему в полной мере. И только гуманитарные науки в «дуэте» с клиническими дисциплинами способны научить этому, бережливо сохраняя славные традиции русской медицины.

Библиографический список

1. Васильева Л. В. Размышления о воспитательной работе в вузе // Проблемы высшего образования. – 2007. – № 1. – С. 186–189.
2. Крайнов С. В., Попова А. Н., Крайнова И. А., Попова К. А. Реализация программы художественно-эстетического воспитания студентов, как стратегия модернизации высшего медицинского образования в Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 1007. URL: www.science-education.ru/120-15528.
3. Крайнов С. В., Попова А. Н., Михальченко В. Ф., Фирсова И. В., Крайнова И. А., Попова К. А. Воспитательная работа в медицинском вузе. Анонимное анкетирование на тему отношения студентов к художественно-эстетическому просвещению // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 3. URL: www.science-education.ru/123-17533.
4. Крайнов С. В., Фирсова И. В., Крайнова И. А., Михальченко В. Ф., Попова А. Н., Милованов В. А. Программа художественно-эстетического воспитания студентов медицинских вузов // Академия АРТ-МАСТЕРСТВА и АРТ-ПЕДАГОГИКИ: Материалы педагогических чтений. – Москва, 2013. – С. 88. URL: <http://start-culture.com/pedagog/pedagog2013>.
5. Сивцева А. Р. Проблема формирования нравственных ценностей в процессе профессионального становления студентов медицинского вуза // Наука и образование. – 2010. – № 4. – С. 13–16.
6. Фирсова И. В., Михальченко Д. В., Малюков А. В. Комплаентность пациента в стоматологической практике // Социология медицины. – 2009. – № 1. – С. 20–23.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К ПРИРОДЕ

И. В. Павлова

*Студентка,
Педагогический институт,
Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
Россия*

Summary. The article deals with the question of educational work at the university for the formation of the valuable relation to nature. Describe the results to identify the most important environmental values for students. Given the form of educational work.

Keywords: nature; environmental education; values; environment; forms of work.

В ценностях отражается весь жизненный опыт, накопленный в индивидуальном развитии человека, определяющий его взаимоотношения с другими людьми и миром. Особое значение в сфере изменения сознания и ценностных ориентаций молодежи принадлежит высшим учебным заведе-

ниям. В последнее время в связи с обострением глобальных экологических проблем возникает необходимость формирования у студентов понимания ценности природы, необходимости ее сохранения.

Среди студентов профиля «Начальное образование» было проведено анкетирование с целью изучения ценностного отношения к природе. В ходе исследования были опрошены 115 студентов 12–3 курсов.

На первом этапе исследования студентам предлагалось проранжировать ценности и определить, что для них является наиболее значимым в данный период жизни. Полученные данные показывают, что у студентов очной и заочной форм обучения преобладающими ценностными ориентациями являются: на первом месте – семья, на втором – здоровье, на третьем – образование, на четвертом – материальное благополучие и мир. По данным анкетирования природа, здоровая окружающая среда, без которой невозможна реализация всех ценностей, занимают в системе ценностных ориентаций лишь последнее-пятое место.

Следующим этапом работы было выявление наиболее значимых для студентов экологических ценностей. Л. Е. Пистунова выделяет следующие экологические ценности: экологические ценности, связанные с биологическими потребностями человека (правильным развитием и функционированием организма), экологические ценности, связанные с экономическими потребностями, экологические ценности, связанные с потребностями познания, эстетического развития.

К первой группе ценностей можно отнести, прежде всего, чистую воду, чистый воздух, т. е. составляющие качества экологической среды. По результатам опроса на первое место студенты поставили из экологических ценностей именно эту группу. И это неудивительно, сегодня показатели загрязнения воды в республике Саха (Якутия) превышают среднероссийские почти в два раза.

Вторая группа ценностей включает в основном так называемые блага природы: продуктивные леса, изобилующие рыбой воды, оптимальный водный баланс территории и т. д. Потребную ценность рек и озер, сельскохозяйственную ценность территории и ценность лесов поставили соответственно на второе место.

И, наконец, третьей группе ценностей можно отнести богатство флоры и фауны, функционирование природы согласно ее естественным законам, естественно сформированные ландшафты, данную группу ценностей студенты поставили на третье место.

Анализ анкетирования позволил предположить, что для формирования ценностного отношения к природе большое значение имеет вовлечение студенческой молодежи в мероприятия с экологической направленностью. По данным исследования, из 155 опрошенных студентов во время учебы в школе только 27 % участвовали в мероприятиях экологической направленности, 48,3 % студентов считают, что во время обучения в вузе

возрос интерес к проблемам взаимодействия общества и природы, выросло желание делом помочь решению экологических проблем.

На вопрос «Участвуете ли вы в мероприятиях экологической направленности в настоящее время» 8,3 % студентов ответили, что они активно участвуют в экологических мероприятиях. Их 155 опрошенных студентов 45,8 % считают, что в наше время каждый человек должен проявлять заботу об окружающей среде; 7 % участвуют в этой деятельности не по собственной инициативе, по принуждению; 9 % считают, что экологическая деятельность дает возможность больше быть на природе; 29 % удовлетворяет интерес к жизни природы и проблемам окружающей среды.

Студентам, ответившим на данный вопрос отрицательно, был задан вопрос «Почему вы не участвуете в настоящее время в мероприятиях экологической направленности?», 29,6 % ответили, что отсутствуют организационные условия для включения в экологическую деятельность; 14,1 % чувствуют недостаток общих или специальных знаний, но включиться в нее мешает личная пассивность; 14,1 % отдают предпочтение другим занятиям; 10,9 % не видят смысла своего участия; 10,9 % не против в ней поучаствовать, если эта работа оплачивается.

Таким образом, крайне важно использовать в воспитательной работе со студентами все многообразие возможных форм организации экологической деятельности: проведение бесед, лекций, дебатов, конференций и т. д.; экологические походы, лагеря, тропы, экспедиции по родному краю; экологические праздники, игры, соревнования, конкурсы и др.; эколого-психологические тренинги; участие в природоохранных мероприятиях, акциях по защите окружающей среды; пропаганду природоохранной деятельности через средства массовой информации; встречи с учеными-экологами, специалистами-практиками в области экологии, охраны природы республики; посещение выставок, музеев. В процессе экологической деятельности у студента увеличивается запас его знаний в различных областях экологии; формируются знания и навыки, ориентированные на рациональное и бережное использование природных ресурсов; формируются ценностные ориентации, обеспечивающие ответственное отношение к окружающей природной среде и собственному здоровью.

Современные технологии формирования ценностного отношения к природе предполагают творческое освоение личностью студента ценностей экологической культуры в единстве с освоением профессиональных компетенций.

К ВОПРОСУ ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ СРЕДСТВАМИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Т. И. Чупахина
С. А. Чупахин

*Кандидат философских наук доцент,
доцент,
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского,
г. Омск, Россия*

Summary. In this article the authors attempt to look at the main problem associated with understanding the role of music in the education of the individual. Here, also, refers to the specificity and nature of the musical language. It highlights major features that distinguish music from other kinds of art: intonation and expressive nature, epistemological roots and specifically the sensual, physical impact, allowing to approach the question of impact, which is able to provide music on the development of consciousness and perfection of human nature.

Keywords: the art of music; aesthetic sense; art education; aesthetic Outlook; music information.

Формирование эстетической культуры личности во многом происходит благодаря сознательному и глубокому овладению ею художественными ценностями. Деятельность есть также творчество красоты, ведь изменяя природу, «окультуривая» ее, человек изменяется сам, обогащается его духовный мир, эстетические чувства. Эстетическое чувство тесно связано с мыслительной способностью человека, так как он всегда соотносит явления и предметы окружающего мира с общими представлениями о прекрасном. Эстетическое чувство, способность эстетической оценки сформировались исторически. В процессе развития исторической практики искусство выделилось в особый вид практической духовной деятельности, направленной на удовлетворение эстетического чувства. С развитием общественной практики и под ее воздействием совершенствуется «музыкальное ухо», видящий гармонию и красоту глаз, – короче говоря, такие человеческие чувства, которые способны дать эстетические реакции, ведущие к эстетическому наслаждению – высшей форме восприятия прекрасного. Размышляя о специфической природе музыкального искусства, и степени воздействия ее на человека Секст Эмпирик писал: «Мы принимаем музыку за то, что она достигает тех же результатов, что и философия» [2, с. 111]. Эстетические чувства становятся не только внутренне побуждающим началом, рождающим духовную потребность в творческой деятельности, но и указывают цели творчества. Человек, овладевший определенными навыками, начинает творить по законам красоты или стремится к этому. Такой процесс можно отразить следующей цепочкой: эстетические чувства – духовные потребности – ремесло (навыки) – творчество – красота (как результат творчества) – эстетические чувства; – цепь замкнулась и

может продолжаться бесконечно. Конечно, такая формула не может претендовать на универсальность при оценке творческих процессов в судьбе того или иного художника. Приблизиться к истинному творчеству способна лишь та личность, которая может сделать прорыв в новое качество в той или иной области искусства. Многие же, всю жизнь занимаются искусством, по сути, так и остаются ремесленниками, тиражерами, пусть даже хороших художественных образов. Творчески активную личность характеризует эстетическое отношение ко всему, что она делает, даже в культуре общения.

Большое значение в развитии творческой личности приобретает психологическая подготовка. Психология вообще много внимания уделяет вопросу социального положения личности, взаимодействию эстетического чувства с мировоззрением. Еще Л. С. Выготский показал в своих исследованиях, что специфика эстетических эмоций состоит в том, что они связаны с «чрезвычайно усиленной деятельностью фантазии», с одной стороны, а с другой, что «эмоции суть умные эмоции». Вопрос о связи активности сознания с чувствами имеет важное теоретическое и практическое значение. Интересен подход к этому вопросу С. П. Рубинштейна. Он связывает активность сознания с чувствами, как с видом отражения действительности. В процессе деятельности человек, преобразуя предмет, раскрывает свои сущностные силы. Человек является результатом чувственного труда, само же сознание формируется в деятельности.

Важно отметить, что человек, по сути, существует благодаря отношению к другому человеку, обществу. Если проанализировать целостный волевой акт, процесс осуществления активности сознания субъекта, то эмоция находится в начале и в конце волевого акта. Чувства в отличие от эмоций, выполняют функции, необходимые для общественной жизни человека, для коммуникативных действий, для выполнения адаптационных задач. Высокоразвитые эстетические чувства порождают в человеке способность наслаждаться творческим трудом, искусством, пробуждают стремление к гармоничному развитию способностей. В то же время имеет место и обратный вектор, когда труд (и его результаты в том числе) порождает эстетические чувства.

Зачастую бытует узкое представление об эстетических наслаждениях, основанное на удовольственном начале, которое лишь сопутствует восприятию произведения, оставаясь вне содержания или проскальзывая по его поверхности. Эстетические наслаждения обладают огромными скрытыми возможностями воздействия на чувства и мысли человека. Эстетические наслаждения – это отнюдь не погружение в мир эстетической красоты и грез, это продукт работы сознания в сфере особого рода. Подлинные эстетические наслаждения несут в себе силу положительного заряда, органически включая в себя элементы формирования человеческого в человеке.

С древнейших времен философов-эстетиков привлекала возможность объяснения способности человека испытывать особое переживание в процессе эстетического восприятия искусства. По Аристотелю, например, эстетическое переживание возникает в процессе восприятия произведения искусства, его понимания. По Э. Канту, произведения искусства существуют не объективно, а как продукт взаимодействия или игры познавательных сил воображения или рассудка субъекта. Эта игра порождает эстетическое удовольствие. Эстетику Э. Канта часто характеризуют как гедонистическую, где основа эстетического суждения есть наслаждения, удовольствия. Это верно! Но при этом необходимо подчеркнуть, что эстетическое удовольствие Канта – не «чувственное удовольствие». Чувственно-привлекательное, трогательное может присоединиться к эстетическому удовольствию, но удовольствие, лежащее в основе суждения, вкуса, состоит в игре познавательных сил воображения и рассудка. В этом смысле эстетическое чувство Э. Канта – интеллектуально. Предшествующий опыт человека, практика духовного потребления сначала выступают как система «идентификации продукта искусства», впоследствии являясь как потребность, как побуждение, как цель. Это обусловлено тем, что человек не просто стремится к чему-либо неопределенному, размытому, а тем, что, занимаясь практической творческой деятельностью, он (человек) все более и более ясно оформляет в своем сознании цель, к которой стремится. Будь то сознание произведения, интерпретация произведения, восприятие произведения и т. п. Исследование процесса воздействия музыкального искусства на личность – это изучение не только эффекта самого действия, но и определение наиболее благоприятных условий для оптимального воздействия. Сила, скорость, глубина эстетической реакции зависит от всего духовного опыта субъекта воздействия, его нервной конструкции и уровня развития эстетического чувства (вкуса). Эти составляющие определяют степень активности эстетической реакции. Образно говоря: «на благодатной почве зерна дают хорошие всходы». Обратный эффект дают пассивность и глухота эстетической реакции – эти «шоры», заслоняющие от человека то прекрасное, что несет искусство. Не менее распространенным недостатком эстетического восприятия является «инфантильная доверчивость». Страдающий ею человек, как правило, безразличен к содержанию художественного произведения, сводит его к формуле, склонен к отождествлению вымысла и реальности, не вдаваясь в тонкости жанра и стиля. Для такого зрителя характерны: низкая продуктивность интеллектуальной работы в момент восприятия, внимание к гипертрофированным мелочам, дешевым эффектам, удобоваримым клише.

Эстетическое воздействие произведения искусства не сводится к восприятию красивой, выразительной формы: ритма, линий, красок, гармоний, звуков. Искусство оценивает действительность, прежде всего, с эстетической стороны, оно открывает глаза на прекрасное, какой бы сферы

человеческого жития оно не представляло, побуждает к творчеству по законам красоты и этим самым способствует формированию мировоззрения и становлению нравственных качеств личности.

В жизни доброе и прекрасное, злое и безобразное тесно взаимосвязаны, однако большой художник (в данном случае композитор) выявляет, выделяет своеобразное эстетическое воздействие, снимая в своем содержании остальные функциональные значения музыки, которые срабатывают вне его. Игнорирование человеческого содержания музыкального языка приводит к пустому эстетству. Бывает иногда в музыкальном искусстве и жизни, что человек теряет идеалы правды и красоты. В общении с людьми отсутствует теплота, а в искусстве развиваются профессиональные навыки вне ориентации на нравственные идеалы.

Музыка является самой «человеческой» из всех видов искусств. Ее красота в искренности человеческого высказывания или интонирования. Она может не влиять непосредственно на деятельность человека, но эмоции, высказанные ею, накапливают нравственную энергию, рождают побудительные мотивы. Лучшие композиторы в своих произведениях выражали общественное сознание эпохи, в художественной форме ставили и по-своему решали важнейшие вопросы человеческого бытия!

Каждый из видов искусства – театр, музыка, живопись, кинематограф специфически влияет на формирование внутреннего мира человека. Социологические исследования показывают, что в современной социокультурной ситуации музыка все больше выдвигает на первый план в структуре художественных предпочтений молодежи. Она обгоняет другие виды искусства по «объему» потребления, а также по непосредственно-чувственным особенностям воздействия.

Под влиянием материально-экономических, научно-технических, социокультурных факторов жизни общества в содержании и структуре музыкальной культуры (как общества, так и личности) наблюдаются большие изменения. Идет постоянный рост музыкальной грамотности в профессиональной и самодеятельной среде. Успехи отечественной школы приумножаются творческим трудом композиторов, режиссеров, балетмейстеров, дирижеров, исполнителей, музыковедов.

Однако при всех успехах, было бы ошибочно истолковывать «звучащую картину» нашей жизни лишь с позитивной точки зрения, так как часто открываются сложные противоречия бытования музыки. Это, например, односторонняя ориентация на эстрадно-развлекательную музыку, ту, которая по существу составляет небольшую часть огромного мира музыкальной красоты. Современные средства информации создали возможность «растворения» музыки в сфере производства, быта и досуга. Привычным становится слушать музыку как фон, слушать не слушая, что затрудняет восприятие музыки как целого. Подобный уровень восприятия формирует поверхностно-потребительский тип музыкальной культуры. Место отсутствующей

культуры отношений к музыкальным ценностям занимают неглубокие, потребительские запросы, диктуемые модой, престижностью.

Сегодня, все чаще встречается особый тип личности, характеризующийся тем, что за внешним пристрастием к музыке стоит отделение ее образных, содержательных корней. Подобный тип музыкальной культуры, в котором преобладает поверхностный контакт с музыкальным произведением в исключительно обслуживающих, конъюнктурных, развлекательных целях, – является ущербным для личности. Он противоречит потенциально-гуманистическому, истинно эстетическому началу всего музыкального искусства – самого «человеческого».

Что нужно сделать, чтобы та молодежь, которая сегодня увлекается «попом», «рэпом», «хэви-металлом» завтра оценила, полюбила классику, овладела сокровищами музыкального искусства или вдруг поняла, что есть просто хорошая и плохая музыка вне зависимости от ее исторической, жанровой, стилевой принадлежности? Прежде всего нужно изменить содержание музыкального воспитания. В первую очередь это деидеологизация воспитания, при сохранении лучших национальных традиций, опыта мировой музыкальной культуры. Необходимо расширять рамки жанрово-стилевых направлений, знакомить молодежь с ранее недоступными для изучения (или крайне ограниченными) музыкальными материалами, будь то образцы джазовой классики, рок-классики или зарубежного симфонического авангарда.

В России есть объективные предпосылки для того, чтобы имеющаяся система музыкально-эстетического воспитания, при определенном трансформировании ее работы, начиная с детского сада, заканчивая вузом или клубом по интересам, способствовала развитию гармоничной, музыкально-культурной личности. Пока система в массе своей работает по старым, не отвечающим требованиям дня, программам, новое внедряется с трудом, либо просто выталкивается во вне. Это обусловлено догматической психологией преподавателей старшего поколения, осторожностью в использовании новых, передовых, апробированных методик среди неопытных, молодых педагогов, слабой материально-технической базой музыкальных кабинетов в школах, училищах и отсутствием таковых вообще в технических и немusical вузах и т. д. Мировая педагогическая практика, в данном случае, ушла далеко вперед и с успехом использует музыку как фактор активизации созидательных, творческих процессов среди специалистов творческих профессий в вузах.

Становясь все более популярной, музыка одновременно все больше превращается в предмет моды. Выбор звучащей музыкальной среды часто определяет не вкус, а мода на те, или иные эстрадные песни, ансамбли, исполнителей. Ее механизм содержит один критерий – новизну. Конечно, в искусстве должно быть, да оно и есть, – прогрессивное, современное, новое, по сути. Проблема моды логически связана с проблемой художествен-

ной оценки, так как мода несет в себе определенный набор художественных или псевдохудожественных критериев. Не секрет, что сферу музыки молодежь рассматривает как сферу самоутверждения своего «Я», проекции своих представлений о музыкальной красоте и вкусе. Чем выше уровень музыкально-эстетического сознания, глубже индивидуально-творческая самобытность личности, тем свободней она противостоит дурным вкусам, музыкальным стандартам, суррогатам. Напротив, эстетическое бескультурье и музыкальное сознание, подверженное конформизму, мода легко захватывает. Музыкально неподготовленные молодые люди оказываются в затруднительной ситуации. С одной стороны, – поток массовой музыкальной информации захлестывает молодежь, а с другой, – все они еще «белые листки», так как возможностей для того, чтобы разобраться в сложном бытовании музыкальной эстрады более чем достаточно, в то же время отсутствует опыт восприятия той же эстрады, классической музыки, народного творчества, фольклора, не сложился добротный вкус, не развит тип музыкальной культуры личности в целом.

Следует помнить, что музыка, которую выбирает молодежь, – область не только личная, нравственная, этическая, но и идеальная. Современные записи зарубежных ансамблей с тонкой блестящей «оберткой» аранжировок, но элементарнейшей гармонией, пошлыми и примитивными текстами, становятся образцами для подражания наших эстрадных «звезд», так быстро и неумело настряпанных в период безвременья нашими доморощенными «шоу-менами». Это можно оправдать исключительно как освоение культурного мирового опыта, и то не лучших его проявлений. Вторичность и убогость такого музыкального «сырья» более чем очевидна. Во всех разновидностях, жанрах музыкального искусства присутствует мировоззренческая позиция художника, его оценка человеческих сфер бытия, которая в определенном направлении воздействует на исполнителей, слушателей. Следует научиться различать те смысловые акценты, которые незримо присутствуют за внешней оболочкой любого, даже самого незначительного сочинения, ибо они в итоге определяют его суть.

Серьезная проблема стоит перед радио и телевидением, роль и влияние которых на формирование вкусов обывателя трудно переоценить. Это проблема производства и потребления. Печально, но мощный механизм воздействия на сознание слушателей используется средствами массовой информации не в том направлении. Упор на поп-индустрию, конъюнктуру и шоу-бизнес, рекламу, дает совершенно непредсказуемые мутационные плоды. Необходима система приобщения молодежи ко всему ценному, истинному, искреннему в музыкальном искусстве. Это, по-видимому, должно быть заботой государства и общества в целом, а не отдельных компаний, учреждений, институтов.

Чтобы приобщить студенческую молодежь (режиссеров, хореографов) в вузах, колледжах, училищах к музыке, развивать художественный

вкус, поднимать уровень музыкальной культуры личности, необходимо использовать методы конкретного социологического «измерения» имеющегося уровня музыкально-эстетического сознания – тестирование и анкетирование, определив с их помощью отправные точки приложения усилий. В результате можно организовать малые группы по интересам, выделив в них неформальных лидеров. Круг интересов, занятий, вид музыкальной деятельности, группа должна будет определить сама. Таким образом, групповая психология может быть направлена во благо, не на разрушение, а на созидание духовности внутри компании единомышленников. Это может быть вокальная группа, инструментальный ансамбль, коллегия музыкальных критиков, драматический театр, театр музыкальной сатиры и юмора и т. д.

В настоящее время эстетическое воспитание молодого подрастающего поколения все чаще истолковывается как процесс емкий, касающийся всех граней личности. Большое значение эстетическое воспитание личности имеет в становлении взглядов, чувств, отношения к природе, к людям, в становлении эстетического мировоззрения. Художественные вкусы оказывают влияние на поведение людей. По словам К. Маркса: «Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком» [1, с. 248]. Совершенно верно, что К. Маркс говорил не о специальном художественном образовании, а скорее, о том пути, пройдя который можно войти в царство искусства и познать его тайны. И чем сложнее то или иное произведение, чем богаче оно по форме, по содержанию, тем больше необходимо знать и уметь, чтобы постигнуть его глубину, силу и суть.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Экономическо-философские рукописи 1844. Т. 42. – М. : «Знание», 1999.
2. Францева Е. Н. Дозорова. Философы и музыка. Часть 1. От Пифагора до Кеплера. Культурологические очерки. – М. : Самообразование, 2007.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ» В 2015 ГОДУ**

Дата	Название
15–16 мая 2015 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2015 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2015 г.	Реклама в современном мире: история, теория и практика
25–26 мая 2015 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2015 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
10–11 сентября 2015 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2015 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2015 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2015 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2015 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2015 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2015 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2015 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2015 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2015 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2015 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
20–21 октября 2015 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2015 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
1–2 ноября 2015 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2015 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2015 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
15–16 ноября 2015 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2015 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2015 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к будущему

1–2 декабря 2015 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2015 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2015 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук.

**ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛАХ «СОЦИОСФЕРА»
И «PARADIGMATA POZNÁNÍ»**

Название	«СОЦИОСФЕРА»	«PARADIGMATA POZNÁNÍ»
Страна	Россия	Чехия
ISSN	ISSN 2078-7081	ISSN 2336-2642
Тематика	Социально-гуманитарный	Мультидисциплинарный
Сроки выхода номеров	Март, июнь, сентябрь, декабрь	Февраль, май, август, ноябрь
Реферативные базы	• РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада)	• РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада)

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ РАЗРАБОТОК ПЕДАГОГОВ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ШКОЛЫ «ПЕДИННОВАЦИИ»

Конкурс проводится в дистанционной форме через сеть Интернет.
Официальный сайт конкурса <http://sociosphere.com>

Приглашаем к участию педагогов:

- Общеобразовательных организаций (школ, гимназий, лицеев).
- Профессиональных образовательных учреждений.

Конкурсная работа представляет собой **учебно-методическую разработку**, относящуюся к одному из видов:

- Технологическая карта и конспект учебного занятия, составленные на основе инновационных методик преподавания.
- Комплекс авторских интерактивных педтехнологий для внеклассных и воспитательных мероприятий.
- Разработка контрольно-оценочных критериев и средств.

Конкурс проводится с 15 апреля по 15 августа 2015 года. Итоги будут объявлены 1 сентября 2015 года.

Все конкурсные работы будут размещены на сайте и доступны для обсуждения посетителями сайта.

Участники конкурса получают **дипломы участников, лауреатов или победителей конкурса.**

Победители, набравшее наибольшее количество баллов, получают дипломы за 1-е, 2-е и 3-е место, а также возможность бесплатной публикации учебно-методической разработки (до 5 страниц) в научно-методическом и теоретическом журнале **«Социосфера»**.

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items)..

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail: sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Branch of the Military Academy of Communications in Krasnodar
Tashkent Islamic University
Penza State University

CULTURE, CIVILIZATION, SOCIETY: PARADIGMS OF RESEARCH AND TRENDS IN INTERACTION

Materials of the international scientific conference
on April 28–29, 2015

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Signed in print 08.05.2015. 60x84/16 format.
Writing white paper. Publisher's sheets 7,7.
100 copies.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz